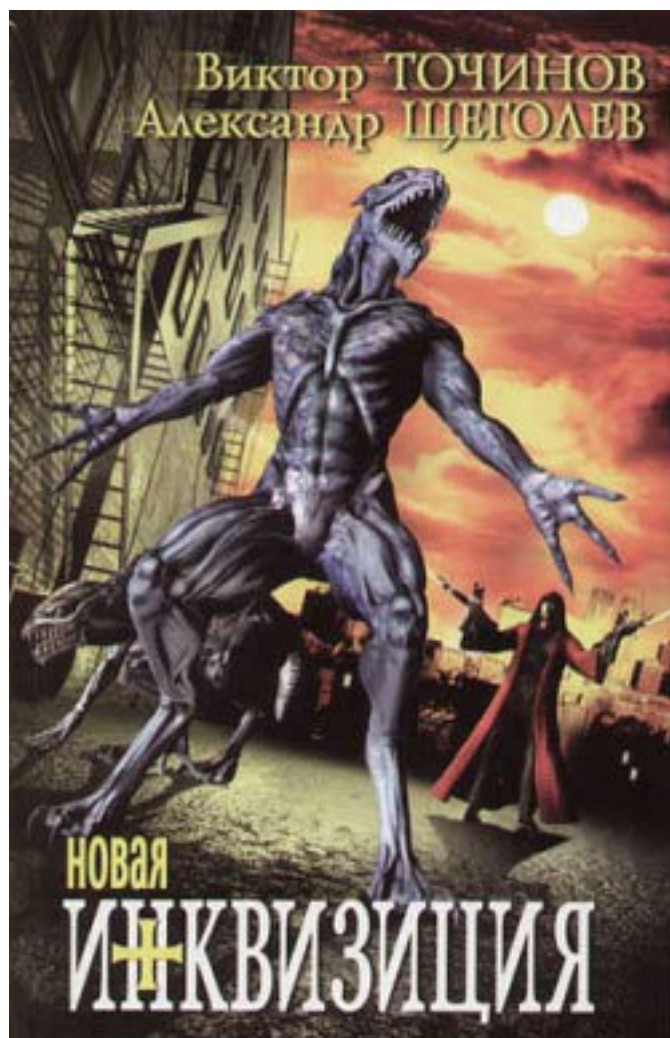

Виктор ТОЧИНОВ
Александр ШЕГОЛЕВ

Новая инквизиция

Виктор Точинов

Новая инквизиция

«Точинов Виктор»

2002

Точинов В. П.

Новая инквизиция / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2002 — (Новая инквизиция)

Это мир, в котором технологии соседствуют с чёрной магией. Это мир, в котором обычный уголовник может обладать сверхчеловеческими возможностями и быть практически бессмертным. Это мир, в котором ИНКВИЗИЦИЯ – обычный государственный институт... Впрочем, обычный ли? Потому что на этот раз Новой Инквизиции противостоит не просто маньяк-людоед и даже не колдун-«тенятник». Кто-то готовит пришествие ТЁМНОГО МЕССИИ, предсказанное Новым Апокалипсисом, пророчества которого имеют печальное обыкновение СБЫВАТЬСЯ. Кто же является вестником Тьмы? Кто – друг, и кто – враг? И как отличить одного от другого? Жертвы принесены, грядёт Тёмный Мессия... КТО сможет его остановить?!

© Точинов В. П., 2002

© Точинов Виктор, 2002

Содержание

Дела минувших дней – I	5
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвёртая	19
Дела минувших дней – II	22
Глава пятая	23
Дела минувших дней – III	31
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	45
Глава десятая	51
Дела минувших дней – IV	54
Глава одиннадцатая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктор Точинов, Александр Щёголев

Новая инквизиция

Солдатам всех Инквизиций посвящается.

Дела минувших дней – I

Илим. Дело Чёрного Егеря

Ответная стрельба смолкла, когда пламя охватило крышу.

Крокодил, что там с Крокодилом? Лесник выстрелил дважды. Рванул короткой перебежкой. На ходу надавил на спуск ещё раз. Залёг, перекатился и оказался за срубом колодца. На позиции Крокодила.

Тот, не иначе, родился в рубашке. Или в панцире из крокодильей кожи. Или в чем там крокодилы рождаются. Пуля из трехлинейки черкнула ему по лбу, рассекла кожу, не задев кость. Крокодил матерился, заклепывая лоб пластырем, но был вполне жив.

Ну и славно. И так все пошло наперекосяк, случись ещё и потери – потом не отпишешься...

– Все, конец Чёрному Егерю, – сказал Крокодил, закончив возиться с царапиной. – Символично: Егеря прикончил Лесник.

Толстые лиственничные бревна выступали из пламени, как ребра кремируемого мастодонта. Внутри что-то лопалось с хрустальным звоном, что-то взрывалось, что-то гудело с нарастающей силой, как прогреваемый турбореактивный движок. Провалы окон напоминали о мартеновских и доменных печах. Даже здесь было жарко.

– Не спеши, – сказал Лесник. – И очки надень – на всякий случай.

– Брось, – дказал Крокодил. – Никто такую температуру не выдержит. Недаром ведьм и колдунов во все века сжигали. Что просвещённые инквизиторы, что дремучие мужички, заперев в каком-нибудь амбаре...

Но очки надел. Обычные перфорированные очки, где стекла заменяли похожие на дуршлаг непрозрачные пластинки. Может, это нехитрое приспособление действительно улучшало зрение. Лесник не знал. Но не давало «отвести глаза» – совершенно точно. Именно эти очки, украшавшие нос одной заплутавшей в тайге туристки, позволили ей увидеть неторопливо и деловито приближавшегося мужика с разделочным ножом, в фартуке, заляпанном бурыми пятнами. Увидеть – и задать стрекоча.

С этой зацепочки под прицелом Конторы и оказался легендарный Чёрный Егерь, он же Илимский Душегуб, он же поручик Карачаев. Убивец, которого в двадцатые ловили ЧК и ЧОН, в тридцатые – ОГПУ и НКВД, после войны – милиция и КГБ. Потом и ловить перестали, сочтя мифом. А регулярно пропадавших грибников и охотников, туристов и геологов, рыбаков и ягодников списывали на неизбежные в тайге случайности.

...Горящая дверь разлетелась с грохотом, словно взорвалась изнутри. Из огненного нутра шагнула фигура – к ним.

– Тенятник, – выдохнул Крокодил. – Натуральный тенятник...

Вышедший из дома человек должен был пылать. Должен был кататься по земле, сбивая пламя с горячей одежды. Должен был вопить от нестерпимой боли в спёкшейся, л лопающейся кровавыми трещинами коже.

Должен – если бы был человеком. Но Крокодил оказался прав – перед ними стоял тенятник.

Одежда даже не дымилась. Ни одна волосинка в растрёпанной шевелюре не вспыхнула. Тенятник сделал несколько грузных шагов и остановился. Медленно повёл головой вокруг. Оружия у него не было – похоже, металл и дерево старинной трехлинейки пламени не выдержали.

Так вот он какой, Чёрный Егерь... На вид – лет пятьдесят, рыжая борода лопатой, лицо густо заросло, только глаза поблёскивают. На широченной груди – три кровавых пятна. Четвёртое – на рукаве. Пули нашли цель. Тенятник застыл неподвижно, четыре ранения и четверть часа в огненном аду не прошли даром даже ему.

Лесник на мгновение снял и снова надел перфорированные очки. Фигура тенятника за это мгновение успела расплыться, потерять чёткость очертаний.

– Берём? – спросил Крокодил.

Сходиться в рукопашной с тенятником ему не хотелось, и Крокодил с надеждой посмотрел на напарника – командовал операцией тот. Лесник вздохнул. Инструкция предписывала взять живым.

Уважающий себя герой боевика обязан был сейчас отбросить карабин и повергнуть таёжного монстра в красиво растянутой схватке один на один. Но Лесник себя героем не считал. И олимпийские принципы к этому противнику применять не собирался. Тщательно прицелившись (очки меткой стрельбе не способствовали), он выстрелил Чёрному Егерю в коленную чашечку. Потом во вторую.

Кровавые ошмётки полетели в стороны. Тенятник стоял. Крокодил матернулся. Лесник прицелился в голову... Громоздкая фигура рухнула навзничь. Два коротких свистка – сигнал прикрывающим со стороны тайги. Ответный свист.

Лесник метнулся из-за сруба колодца, бросив на ходу:

– Браслеты! Быстро!

Навалился на упавшего, заломил руку. Не оборачиваясь, взял у Крокодила наручники, защёлкнул массивный серебристый браслет на запястье. Тенятник не сопротивлялся, обмяк тряпичной куклой. Лесник потянулся за правой и... Из такой позиции ударить было невозможно – тенятник ударил, изогнув суставы под немыслимым углом. Лесник уклонился, но пудовый кулак мелькнул у самого лица – и зацепил, сбил очки.

Лесник схватил исчезающую руку – и через секунду понял, что сжимает лишь сырой весенний мох. Рядом Крокодил наносил удары – казалось, в пустоту. Мимо мелькнул камуфляжный комбез, ещё один – ребята подросли. Вовремя. Сзади набегали ещё двое.

...Приклад превратил затылок тенятника в кровавое месиво. Волосы слиплись от крови, торчали осколки кости.

– Извиняюсь, не рассчитал, – сказал парень в чёрном капюшоне. – Больно прыткий, с шестью-то пулями...

Особого извинения в голосе не чувствовалось. Выражения глаз не увидеть – сквозь прорези капюшона чернеют те же очки. Лихой народ там у них в агентстве, подумал Лесник. Не миндальничают. Хрясь – и затылок вдребезги. Пареньки натасканные, оперативники неплохие, но с тенятником явно впервые встретились...

(Восточно-Сибирский филиал Конторы, предоставивший в помощь четвёрку бойцов, в миру был известен как охранно-розыскное агентство.)

– Не страшно, – сказал Крокодил, сковав Чёрному Егерю ноги. – Очухается.

Ножные кандалы имели браслеты большего диаметра – но и они с трудом сошлись на могучих лодыжках пленника. Как и наручники, их покрывала цепочка причудливых рун – считалось, что именно эти знаки не дают сокрушить оковы особым клиентам Конторы. Лесник, неисправимый скептик, спилил как-то одну руну напильником – наручники работали с прежней эффективностью. Он решил тогда, что все дело в свойствах металла, хитрого сплава на основе серебра.

Неподвижное тело теньяника оттащили подальше от пылающего дома – припекало.

– Точно ли Карачаев? – спросил один из группы поддержки. Кажется, его звали Макс – Лесник не слишком различал их в этих капюшонах.

– Молодой больно, – продолжил как бы Макс. – В каких годах раньше поручиками становились? Всяко дедуле за сотню должно перевалить. Может, это урка беглый... Прослышал про старую легенду и решил в Чёрного Егеря поиграться.

Лесник молча вынул нож, вспорол сатиновую рубашу сверху донизу. На волосатой груди, над левым соском синел вытатуированный георгиевский крест. Никакой беглый зек не мог знать о такой примете. Лишь в старых архивах наследников железного Феликса хранились сведения об этом знаке душегубов из банды Карачаева. И – в архивах Конторы, разумеется.

Лесник нагнулся, пытаясь определить, давно ли сделана наколка, – и едва уклонился от удара скованными ногами. Мимо. Ноги, между прочим, согнулись в простреленных коленях – легко. Пленник снова затих, расслабившись. Макс удивлённо присвистнул.

Крокодил делал снимки – для отчёта. Щёлк – пылающее логово Егеря. Щёлк – подворье на фоне тайги. Щёлк – скованная фигура теньяника.

– Командир! Глянь на наручники! – нервно подал голос ещё один из иркутчан.

Надо понимать, он имел в виду наножники, но сути это не меняло. Такого не могло быть – но было. С огромным трудом застёгнутые оковы болтались достаточно свободно. Широленные браслеты стали тоньше – изнутри металл исчез вместе с кончиками защитных рун. Лесник бросил взгляд на руки теньяника – та же картина. Переглянулся с Крокодилом. Тот пожал плечами – даже о теоретической возможности такого фокуса они не слышали. Приглядевшись, можно было увидеть лёгкий дымок над браслетами. Процесс продолжался.

– Не довезём, – констатировал Лесник. – Будем кончать здесь.

Макс кивнул и стал примеряться стволом к голове пленника.

– Не спеши, – сказал Лесник. – Все не так просто. Тут процедура долгая...

А потом катер тархтел вниз по Илимю. Вдали показались огни – Шестаково, здешний центр цивилизации. Они вшестером сидели в каюте и пили спирт – всем было погано. Хотя Крокодил с Лесником повидали всякого, да и парни из агентства тоже. Именно они, Макс с напарником, нашли яму на задах дома, пока остальные возились с Чёрным Егерем – то, что заменяет теньянику душу, так просто с телом не расстаётся.

В яме были разрозненные останки без малого восьмидесяти человек. И два свежих трупа. Женщина и девчонка. Вернее – то, что осталось от трупов. Едва удалось отговорить ребят, пожелавших самолично принять участие в казни. Но убедили – мерзкая и кровавая процедура требовала холодной головы. Нужна была не только филигранная точность в работе ритуальными ножами, но и неукоснительное соблюдение порядка нанесения ударов.

– Ты куда теперь? – спросил Лесник у Крокодила, опрокинув очередной алюминиевый стаканчик. Спирт пролетел по пищеводу крохотной шаровой молнией.

– В Шестаково на железку – и до Братска. Неделя отпуска, а затем вроде командировочка предстоит в тёплые края...

Больше Крокодил ничего не сказал. Спросил Лесника:

– А ты в Иркутск?

– Ага, – уныло кивнул тот. – Отписываться долго придётся – как да почему живым не доставили. Хотя, думаю, наручники эти кое-кого призадуматься заставят.

– Ну ладно, не будем о грустном, – сказал Крокодил и разлил остатки спирта. – Отпишешься, не впервой... И – пересечемся ещё. Не последний раз вместе работали.

– Обязательно, – согласился Лесник.

Не так много у Конторы спецов их уровня – рано или поздно придётся им с Крокодилом делать одно дело. Очередное дело. Увидятся.

Лесник ошибся. Больше Эдика Радеcki по прозвищу Крокодил он не видел. Живым – не видел.

Часть первая ТЕРНИИ ИУДЫ

*Вы же оставльиши мя и забывиши гору мою и готовуюицеи
теньииче трапезу и исполняющеи демонови черпанию, аз предам вы во
оружию.*

Паремийник, Исая, ст. 11—12 гл. LXV

Глава первая

Фагот лежал с телефонной трубкой в руке – неудивительно, что с ночи я не мог до него дозвониться.

Впрочем, пребывая трубка на своём законном месте – мало что бы изменилось. Трупы на звонки обычно не отвечают.

Фагот был мёртв – и давно, судя по температуре тела. Хотя трупное окоченение не прошло... Я, конечно, не суд-медэксперт, на тут дело пахнет часами, не минутами.

Наверное, надо сказать нечто значительное над телом старого друга. Типа: бедный Йорик... Ну хорошо, скажу: бедный, бедный Фагот.

Формальности выполнены. Стоит поразмыслить, как быть дальше. Есть два варианта, описывающие стандартные поведенческие реакции в подобной ситуации.

Индивиду с нечистой совестью (или не желающему долгие часы отвечать на вопросы в казённом доме) полагается вытереть свои отпечатки и исчезнуть. Потом можно, при желании, набрать «02» и гнусаво-изменённым голосом оповестить ментов о находочке. А если труп криминальный, не помешает состряпать и какое-никакое алиби – не заходил, не видел, не знаю... Водку пил в компании двух дружков.

Вариант два: завопить как можно громче и выбежать из квартиры усопшего, вызывая к соседям о помощи. Подвариант – изъять трубку из мёртвой руки и, представившись властям по всей форме, обрисовать ситуацию...

Не пойдёт.

Отпечатки протирать ни к чему – пальчиков моих тут предостаточно. Вполне замотивированных. И уйти просто так нельзя. Сразу – нельзя. Чересчур любопытные штучки могут найти тут люди в форме. И сразу возникнет у них масса вопросов о прошлом покойника... Вот уж где им копать не стоит – слишком большое место занимаю там лично я.

Значит – рубить концы. Топить сети. Прибрать и подчистить следы развлечений Фагота...

А ещё – неплохо бы разобраться, отчего он покинул сей грешный мир.

Да что же естественного, если здоровый как бык мужик, не перешагнувший тридцатилетний порог, – падает замертво? Не успев даже набрать номер скорой – если допустить, что трубку он схватил именно за этим?

Проблем сердечно-сосудистого плана у Фагота не наблюдалось – это я знал точно. Вопрос: от чего ещё люди могут умирать столь скоропостижно?

Любой медик накапает список ответов на пару страниц. Но если не первым, то вторым пунктом в списке будет идти отравление.

Случайное? Пищевое? Хм-м...

Покойный придерживался диеты, причём весьма и весьма специфичной. Ботулизм из консервной банки исключён. Да и не так уж мгновенно он действует...

Преднамеренное отравление? Убийство? В том, что Фагот оказался способен покончить счёты с жизнью, меня не убедит никто и ничто. Даже заверенная у нотариуса предсмертная записка.

Примем за рабочую гипотезу – маэстро был убит. Отравлен.

К сожалению, все мои познания в ядах и их применении ограничивались древней книжечкой «Фармакология», изданной аж в сорок седьмом году... Купив лет десять назад этот учебник для медсестёр и фельдшеров на блошином рынке, я его от скуки прочитал – и напрочь забыл.

Придётся вспомнить.

Ну что же, кое-что ясно.

В Фагота никто не стрелял, не тыкал колющими предметами и не полосовал режущими. Оружие ударно-раздробляющего действия на моем дружке тоже никто не испытывал... Равно как и не отрабатывал ударов из хитроумных восточных систем. Следов удушения, поражения электротоком не наблюдается. Зато наблюдаются оскаленные зубы и растянутые в какой-то не то ухмылке, не то судороге губы.

Естественная смерть?

Голова не болела. Не трещала и не раскалывалась.

Раскололась она чуть раньше, когда я терзал память, вытаскивая наружу бегло просмотренные давным-давно строки. Теперь головы не было. Торчал наружу огрызок позвоночного столба – а венчающее его устройство где-то парило. Витало. Рассекало пространство и время. И не хотело возвращаться на место...

Дорого стоят игры с собственным мозгом, подумал я, изловив и водворив на место беглянку. Зато я знал внешние признаки отравлений и мог цитировать пожелтевшие страницы учебника с любого слова в любой строке.

Мог. Но не стал. Отправился напрямиком на кухню – подкрепиться после экскурсии за прочно забытым. У Фагота должна быть доза. Должна...

Из-за неё я так упорно ему дозволялся, из-за неё пришёл сюда. Тащился, как последний наркоша. Хотя наркошам проще. Завидую. Вот уж жизнь без проблем. Чуть не в каждой подворотне торговец... Есть деньги – купи. Нет – заberi так. Не жизнь, а сказка.

На кухне – обычный для Фагота творческий беспорядок. На тарелке – недоеденный кусок жареного мяса со следами зубов. На сковороде ещё несколько. Кухарок и прочей прислуги маэстро по понятным причинам не держал.

...Морозильник набит. Значит, должна быть и доза. Куда же ты её пихнул, мой мёртвый друг...

Доза нашлась. Стояла на верхней полке. В стеклянной баночке. Аккуратно отделённая, ничего лишнего. И – никуда не годилась. Недельной давности, не меньше...

Сука... Не мог позвонить сразу. Была бы у меня живая вода – точно оживил бы козла Фагота. И убил бы снова. Но медленно. Неторопливо, со вкусом...

Я опустил на стул. Что делать?

Рискнуть и продолжить игру в Пинкертона? В принципе, можно, – если пустить в ход все резервы, все неприкосновенные запасы... Все равно – без дозы многое станет недоступным. Опыт с «Фармакологией» показал, что силы на исходе. Дальше будет хуже.

Рискнуть и выйти за дозой? Днём достать трудно... И долго. Вернусь – а тут ликующе скрипят сапоги и ручки яростно строчат протоколы... То-то легавые обрадуются. Нашли Мозговеда, хоть и мёртвого.

Говорил же идиоту – не расслабляйся, не выпендривайся. ан нет. Доигрался. Всех царскосельских ментов на ноги поставил. Из ГУВД тоже наверняка группу прислали...

Надо было продолжать, как начал – аккуратненько, все по десять раз просчитывая, все ниточки обрезая. И уж ни в коем случае не гадить, где живёшь. Машина у него сломалась, видите ли. Мог бы и потерпеть, пока починят. Попоститься...

Фагот же возомнил, что он неуловим и гениален – во всем, не единственно в музыке. Что выше его только небо, а круче его только яйца. В принципе, правильно. Небесному куполу уж никак не грозило быть проткнутым головёнкой Фагота.

И яйца были круче его. Даже те, что всмятку.

Даже сырые.

Решено – остаюсь.

Все-таки риска меньше. Если кто к Фаготу явится и начнёт звонить-стучать в двери – аккуратненько его завернуть порошу хватит. Пойдёт домой и не вспомнит, зачем приходил в этот, как его называют соседи, «дом со львами». Завернуть толпу людей в погонах – шансов никаких. Даже полностью восстановив силы...

Хорошо. Займёмся частно-розыскной деятельностью без лицензии. «Дело о мёртвом музыканте» – красиво звучит. «Тело мёртвого музыканта» – тоже неплохо. Итак, приступим. Логика требует начать с объекта расследования. То есть с трупа.

Что же с тобой случилось, друг Фагот? – дай ответ. Не даёт ответа.

Но стрихнином и его препаратами тебя не травили, если верить пособию для фельдшеров – иначе в скорую ты бы дозвонился. Приступы судорог от стрихнина чередуются с периодами расслабления... Не то.

И не цианиды – характерный запахок изо рта отсутствует. То есть запахок-то есть, и вполне для мертвецов характерный, но горький миндаль в нем как-то не обоняется...

Мышьяк? Насчёт мышьяка авторы пособия информируют скудно: общая слабость, чувство страха, судороги, потеря сознания и смерть. Про внешние признаки на трупе – ни слова. Вскрытие, дескать, покажет. А до вскрытия – сиди и гадай, испытывал ли бедняга Фагот чувство беспричинного страха.

Да, ситуация.

Как утверждает чуть не угробившая меня книжонка, отравить человека легко и просто. Так просто, что непонятно: откуда столько живых людей вокруг? Постылые тёщи и наглые зятья, начальники-уроды и коллеги-интриганы, соседи-алкоголики и зловредные училки, – все почему-то живы. Хотя содержимое аптечных прилавков способно легко и быстро решить проблему перенаселённости. Простейшими средствами, чьи ёмкости не украшены пугающими надписями: «ОСТОРОЖНО: ЯД!!!». Все дело в дозе и способе применения. Оказывается, самый банальный экстракт мужского папоротника (почему мужского? что за половой шовинизм?) – безобидный глистогонный препарат – способен при передозировке прикончить заодно и хозяина ленточных паразитов. А декокт сибадиллы (иначе – вшивого семени), принятый внутрь, быстренько осиротит мандавошек, против коих он призван бороться наружным способом...

Интересная, однако, наука – фармакология. Нет ядов и нет лекарств – весь вопрос в дозе. В дозе...

Как мне не хватает дозы.

Слышал я где-то, что фельдшеры старой школы были на все руки мастерами – хоть зуб выдерут, хоть роды на дому примут. Возможно. Но установить причину смерти украшающего ковёр организма фельдшерский учебник помочь мне не смог.

Тупик.

Сам не зная зачем, я воткнул в розетку штепсель радио. Может, подсознательно надеялся, что транслируют какую-нибудь познавательную передачку? Новости мира науки. О достижениях прикладной токсикологии. С рекламными вставками – оптовые поставщики, розничные продавцы, консультанты по применению...

Выкрученный на полную громкость репродуктор взвыл музыкой и голосом Фагота. Предпоследний альбом.

Малыш, не надо, не дыши
Протухшим мясом у плиты.
С петлёй на шее напиши:
Зловонный мир, будь проклят ты!

Протухшим?! Сгноил дозу – и протухшим?! У-у-у-е-е-е...

Удар.

Грохот.

Ай-ай-ай... Что-то я с утра не в духе. Нехорошо так вести себя в чужом доме. Даже если хозяин – труп. Песенка, конечно, отвратная, но зачем же крушить интерьеры...

Навеки замолчавшее радио лежало на полу кучей обломков. Ребро моей правой ладони саднило. Я вытащил длинную занозу – корпус репродуктора был деревянный, старинный – эстет-Фагот признавал лишь такие вещи, не терпел ДСП и пластика. Ну что же, будет у наследников одной антикварной штучкой меньше.

Кстати, а кто наследует усопшему? Нехилая квартирка, вернее, две смежных, со снятой перегородкой; оборудование студии; авторские права... Есть повод угостить вошебойным декоктом, предназначенным лишь для наружного применения.

Стоп. Отсутствие механических повреждений никак не доказывает факт отравления, а я уже ищу мотивы и виновных. Рановато. Сначала надо провести маленькое исследование, мысль о котором пришла мне в голову. Проверить, Давно ли душа покинула бречное тело. Была все-таки полезная информация в фельдшерской книжонке... Где тут аптечка и градусник?

Аптечка – ящичек с красным крестом – висела в ванной комнате, у зеркала. И ртутный термометр пребывал в ней, на своём законном и обычном месте. Но была в ванной и одна деталь, которую обычно не предусматривают проектировщики и дизайнеры.

В старинной объёмистой ванне лежал труп. Ещё один труп.

Расчленённый.

Глава вторая

Деревянный домик притаился в зелени яблонь, как в засаде, – хотя подозрительным от этого не выглядел. Дом как дом – не похож на бревенчатый новорусский терем, порой возникающий среди красно-кирпичных вилл. Но и не халупа-развалюха, как в деревнях Нечерноземья, тонущих в грязи и самогонке. Типичное частное владение, воздвигнутое лет тридцать назад. Таких здесь, на окраинах Царского Села, много. Веранда, пристройки, участок с грядками и теплицей... Мирная идиллия. Жёлтая краска, правда, со стен изрядно пооблупилась – но это, как ни крути, криминалом не является.

Лесник наблюдал за домом полтора часа.

Не совсем безрезультатно – на рассвете с крыльца спустилась весьма пожилая женщина и посеменила в сторону автобусной остановки, не обратив внимания на Лесника, сидевшего в «ниве».

Вычислить конечный пункт маршрута старушки не составило труда. Из её расстёгнутой сумки «мечта оккупанта» обильно торчала зелень – пучки лука, укропа, петрушки, черенки ревеня... Если не отправилась торговать на рынок – то дедуктивный метод гроша ломаного не стоит.

Шустрая бабулька, думал про неё Лесник (времени для раздумий хватало – в окрестностях дома больше ничего не происходило). Предприимчивая... Не ждёт милостей от природы и собеса. Не клянёт высокие цены и низкую пенсию. И на базаре торгует, и жильё постояльцам сдаёт.

Именно у неё Радецки снял комнату.

Здесьние гостиницы заколачивают исключительно валюту – летом интурист в городе дворцов и музеев идёт косяком. Крокодил не стал изображать иностранца, а тихо и незаметно поселился в частном секторе...

Вроде все правильно. Но когда человек на задании пропадает – в любом его поступке ищешь и двойную, и тройную логику.

Утро шло своим чередом, народу на улице становилось все больше. Кое-кто уже начал подозрительно поглядывать на бесцельно сидевшего в машине человека.

А результатов наблюдения – ноль.

Лесник в очередной раз набрал номер мобильного Крокодила и в очередной раз услышал, что абонент отключился или находится вне зоны приёма; позвонил в домик с обшарпанными жёлтыми стенами (несмотря на сельский пейзаж, газ и вода сюда шли по трубам, и городские телефоны тоже имелись). Никто не взял трубку.

Оставалась, конечно, возможность, что Эдик пребывает в снятом жилище в обществе снятых красоток и опустошённых бутылок – и ответить на звонок не может чисто физически. Хоть редко, но случается и такое. Даже в Конторе – случается. Срываются агенты в штопор – и поднятая начальством тревога заканчивается благополучно. Для всех, кроме загулявшего, разумеется. Но Эдик Радецки? Сомнительно...

Лесник посидел ещё, перебирая варианты действий. Вариант, собственно, оказался один...

Он подошёл к калитке уверенной походкой человека, знающего, куда, к кому и зачем идёт. Точно так же зашёл во двор, благо табличек, предупреждающих о злых собаках, не обнаружил.

Во дворе ничего интересного, за исключением одной детали. Ворота для въезда автотранспорта наличествовали, но трава за ними – свежая, сочная, не смятая. Машину Крокодил сюда не загонял.

Ни разу.

Элементарно, Ватсон...

На стандартном месте, под ковриком, ключа не было.

Лесник с сомнением изучил навесной замок-ветеран. Можно, конечно, вернуться к машине за инструментами...

Лесник осмотрелся. Встал на цыпочки, провёл пальцами по дверной притолоке – есть ключ!

Взял находку он не сразу, запомнив точное расстояние от косяка и положение – куда направлено кольцо, куда бородка. Смешно стараться для бабульки, но привычка – вторая натура.

Дверь открылась без скрипа. Хорошо пенсионерка дом содержит... Или Крокодил постарся, петли смазал? Или...

Или кто-то третий, желавший при нужде бесшумно проникнуть в дом. Ну, с Радецки, положим, такая шутка не пройдёт, но намерение могло иметь место.

Внутри дома двери не запирались. Включая ту, что вела в комнату квартиранта. Полная демократия и открытость. Но Лесник входить на территорию Крокодила не спешил. Внимательно прислушался – ни звука. Ещё более внимательно осмотрел стык косяка и полотна двери... Ага! Вот оно... Волос – судя по цвету, принадлежавший самому Радецки, – аккуратно прилеплен на уровне бедра. Открыть дверь, не сорвав метку, невозможно. Значит – не открывали. Или – если незваные гости не дилетанты, – обнаружили, аккуратно сняли и, уходя, прилепили на место. Но Крокодил тоже не вчера из яйца вылупился и таких ловушек ставит всегда две – одну для дураков, другую для умных.

Ловушку для умных Лесник искал значительно дольше – и обнаружил только с помощью лупы. Крохотный, с песчинку, датчик, установленный между пластинами дверных петель. Надо полагать, что и окна оборудованы чем-либо схожим...

Лесник вошёл. Крокодила в комнате не было. Ни в каком виде: ни пьяного, ни трезвого, ни развлекающегося в обществе красоток, ни скучающего в одиночестве.

И даже – не лежал труп агента Радецки... В их работе всякое случается. Но не случилось. По крайней мере не здесь и не сейчас.

Лесник осмотрелся, мысленно формулируя увиденное, как для протокола, – чётко и сжато.

Комната прямоугольной формы, около десяти квадратных метров, окно выходит на юг. На окне наполовину задёрнутые ситцевые занавески в цветочек. На подоконнике – столетник в большом горшке. Мебель спартанская: аккуратно заправленная кровать с железной сеткой, шкаф-инвалид (вместо одной ножки подложены обрезки досок), стул, продавленное кресло. Обшарпанный стол, судя по всему, совмещает функции обеденного и письменного. На шкафу интересная коллекция: гитара в брезентовом чехле, лосиные рога, коробка из-под телевизора. На потолке – голая лампочка без абажура.

Вот и вся обстановка. Не пятизвездочный отель, что говорить.

Ладно, подумал Лесник, стоит поспешить. А то бабка распродаст товар, нагрянет, – и придётся изображать двоюродного крокодильего брата, срочно прибывшего из Конотопа по семейному делу...

Он приступил к обыску.

Романные герои в таких случаях обязательно хоть что-нибудь, да найдут. Или важнейшую улику, которая поначалу ещё больше запутает дело. Или припрятанное послание от исчезнувшего – которое тоже напустит туману и станет ясным лишь к финалу...

Лесник не нашёл ничего.

Комнату можно было счесть нежилой, но в шкафу стояла дорожная сумка с вещами. Одежда, кроссовки, две смены свежего белья, полотенце, бритвенные принадлежности да зубная щётка с пастой.

Никакой зацепочки, дающей представление об индивидуальности владельца.

Лесник не удивился – так и должно быть. Он тоже не оставил бы во временном жилище ничего, дающего след – к нему самому либо к Конторе.

Время поджимало. Лесник вырвал лист из блокнота, написал записку, весьма удачно подражая угловатому почерку Эдика. Послание, вставленное за косяк внутренней двери на уровне глаз, могло быть истолковано читающими по-разному. Хозяйка поняла бы, что квартирант срочно вынужден уехать, и подошлёт сюда коллегу, тоже прибывшего в Царское Село в командировку – взять вещи и разобраться с внесённым за проживанием авансом. Крокодил бы узнал другое: Лесник здесь и ищет его.

Он восстановил статус-кво: повесил замок на место, вернул ключ на притолоку. И ушёл.

Ситуация хреновая, подумал Лесник, отъезжая от домика, не оправдавшего надежд.

Потому что как ни успокаивай себя мыслями о загулявшем, запившем или заблудившемся при сборе грибов полевом агенте Радецки, но реальных вариантов, объясняющих его исчезновение, два:

Либо Крокодил мёртв.

Либо дезертировал.

Глава третья

Московские ворота в Царском Селе вовсе не похожи на аналогичные триумфальные арки в Питере. Никаких громоздящихся колонн и вздыбленных клодтовых жеребцов-производителей. Два функциональных здания по обочинам Павловского шоссе, на вид бывшие не то караулки, не то кордегардии. Банальный, по сути, КПП – лишь сами ворота или шлагбаум демонтированы. Но въезд в бывшую императорскую резиденцию, понятное дело, не стройбат возводил, – ворота живописны и красивы, как все в этом городе-музее, городе-заповеднике.

...Лесник обнаружил машину Крокодила поблизости. Обнаружил легко – знал, где искать. Маячок исправно докладывал о местонахождении, а методы пеленгации далеко шагнули со времён радиоигр товарища Юстаса и партайгеноссе Алекса – треугольник ошибок шёл через спутник с точностью до пяти метров.

Обычно такие надёжно замаскированные системы защищают от угона недешёвые иномарки, но Радецки ездил на служебной «ниве». Не на синей, как Лесник, а на темно-вишнёвой. Классический трехдверный внедорожник – мощный фаркоп, форсированный движок, защищённые от проколов колёса. Хорошая машина, надёжная и неброская, не из «крутых». Вот только...

Вскрывая.

Он обошёл автомобиль, заглянул под днище. Ничего подозрительного. Триплексные стекла целы – в салон проникли, отомкнув дверцу. И не удосужились потом запереть...

Так, а что с сигнализацией? Ага, провода сторожевой системы перекушены. Замок на руле не тронут – угонять машину не собирались. Словно знали про маячок. Или действительно знали?

Надев перчатки, Лесник осторожно осмотрел салон.

«Персика» на положенном ему месте не было. Голенькая шина питания стыдливо глядела из разорённого гнезда. Погано. Очень погано...

По заднему сиденью рассыпаны листы бумаги. Лесник взял один, бегло просмотрел текст, отпечатанный на принтере. Глаз зацепился за выделенный красным маркером абзац:

«Когда в июне 1905 г. в Феодосии барабанищик 52 пёк. Вольнского полка С. Мочидлов три раза выстрелил из винтовки в командира полка за то, что тот руководил обстрелом восставшего броненосца „Князь Потёмкин“, и об этом было доложено Николаю II, то не слишком сведущий в законах самодержец наложил резолюцию: „Судить полевым судом“...»

М-да, стиль вполне научный, пытающийся в одну фразу уложить все, что известно автору по этому вопросу.

На титульном листе одна строчка: «Военно-полевые суды в России (1905—1917 гг.)» – и больше ничего. Автор пожелал остаться неизвестным. Лесник собрал рукопись в валявшуюся тут же папку, лист с выделенным абзацем спрятал в карман.

Хотя не представлял – какой ключ к исчезновению коллеги могли дать эти архивные древности.

Так нам глаза не отведёшь, подумал Лесник, теперь даже очки перфорированные не нужны – на основе их принципа действия разработана методика фасеточной аккомодации.¹ Простенькое упражнение, если довести до автоматизма.

... Наручников и Дыевых ножей Лесник не нашёл. Неясно, правда – где их держал Крокодил?.. Тайником, предписанным инструкцией, никто и никогда не пользуется – в критической

¹ Фасеточная аккомодация (или «стрекозиный глаз») – способ наблюдения, основанный на разделении мозгом параллельных сигналов, поступающих от колбочек и палочек глазного дна. Позволяет безошибочно опознавать миражи, галлофантомы и т. д.

ситуации доставать замаешься. Обычное место – сумка с инструментами... Та самая, украденная. Ладно, оставим пока проблему за кадром, потому что есть вопрос посерьёзнее.

«Персик».

Лесник устроился на водительском месте – обдумать ситуацию. Итак, изъят рабочий бортовой компьютер. Мобильный выход в Интернет, тотальное криптографирование, виброустойчивость, помехозащищённость, комбинированное питание (от автомобильного аккумулятора, от обычной сети, от встроенных батарей, обеспечивающих четыре часа работы.) И прочее, и прочее. Однако не в наворотах дело, а в хранящейся внутри служебной информации: рапорты, досье, контрагенты в госструктурах, в том числе в силовых... а также – военные топографические карты, списки радиочастот... В общем, много интересного.

Малый джентльменский набор, обновляемый накануне каждой операции – с учётом района действий и предполагаемой специфики задачи.

Короче говоря, в «персике» Радецки была информация, вдумчивый анализ которой может вывести на Контору.

Не больше и не меньше.

Реакцию Юзефа просчитать нетрудно, подумал Лесник. Хреновая будет реакция. Более чем желательно разрешить ситуацию до подключения его орлов...

По окончании осмотра список пропаж дополнили гидравлический домкрат, компрессор и сумка с инструментами. Обычная кража? Или прихватили для отвода глаз?

Первый вариант, самый гнусный – взлом машины инсценирован. Радецки стал Иудой. Дезертировал, прихватив «персик».

Вариант два: отрабатывая рутинный след, Радецки напоролся на что-то весьма серьёзное. Или на кого-то весьма серьёзного. И засветился при этом. А «кто-то» отреагировал мгновенно – изъязл персик и ликвидировал его владельца.

Третий вариант: совпадение. Вскрытая машина никак с исчезновением агента не связана. Шпана или вор-профессионал – засекли, что автомобиль брошен, сутки стоит без пригляда – и вскрыли. А персик внешне похож на музыкальный центр...

В одиночку можно отработать лишь последний вариант, решил Лесник. Довольно легко. У профессионального автовора должен быть постоянный канал сбыта...

– Здравствуй, дорогой, о чем совсем задумался? Машину продать, да? Хочешь, я куплю?

Удивлённый взгляд Лесника не смутил задавшего этот вопрос – мужчину лет пятидесяти пяти на вид. Впрочем, полностью сохранившего густую, без единого седого волоска, чёрную шевелюру. И, несмотря на внушительных размеров живот, весьма подвижного.

Негаданный покупатель вылез из обшарпанной красной «мазды» и, не дожидаясь ответа, обошёл машину Крокодила, заглянул сквозь стекло внутрь, попинал колёса... Пластика его движений напоминала подпрыгивающий каучуковый мячик. Спутница толстяка – молодая симпатичная брюнетка – осталась в салоне.

Мысли Лесника, и в самом деле стоявшего с задумчивым видом у «нивы», не имели отношения к продаже налево казённой собственности. Он размышлял, стоит ли ждать вызванных эвакуаторов Конторы – и пришёл к выводу, что сторожить пустой орех незачем, время дорого.

Известие о том, что автомобиль не продаётся, искренне огорчило мужчину.

– Вай, жалко... Мне как раз такая нужна. Разве это машина, слушай? – он пренебрежительно показал на «мазду». – Если выдохнешь – ездить можно. Воздух дохнешь, да, – руль не повернуть!

Лесник с трудом сдержал улыбку, глядя на его объёмистую фигуру. И сочувственно кивнул.

Толстяк истолковал кивок по-своему:

– Может, надумаешь? Тогда приходи сразу, хорошую цену дам. Вон кафе, видишь? Нет, левее, где деревья... Спроси Арика – это я, а кафе моё... Настоящая армянская кухня. Не

надумаешь – все равно приходи, посидишь, кофе попьёшь, бозбаш покушаешь, толму настоящую, никто тут её готовить не умеет, только...

Рекламную речь прервала спутница Арика, покинувшая салон «мазды». Причём оказалось достаточно одного взгляда и лёгкого прикосновения к рукаву – радушный владелец кафе распрощался, искоса поглядывая на вишнёвую «ниву». Женщина выглядела лет на тридцать моложе своего спутника – и, по всему судя, была на последнем месяце беременности.

Лесник удивился. Он не понаслышке был знаком с укладом, принятым в армянских семьях. Прерывать мужчину, даже так мягко, у кавказских женщин не в обычае. Пожалуй, беременная дама не приходится толстяку дочерью или невесткой. Жена, скорее всего. На шестом десятке немудрёно потерять голову и позволить молодой красавице куда больше, чем принято...

Лесник проводил взглядом колоритную парочку, направлявшуюся к кафе. Посмотрел на часы и выбросил из головы единственного производителя натуральной толмы на все Царское Село.

Странности нарастают, как снежный ком, думал Лесник, отъезжая от Московских ворот (на своей, естественно, машине).

Ещё одну непонятность, не сразу заметную, он осознал только что. Фактор времени.

Здесь, в Царском Селе, хронология событий складывалась так: Радеcki не вышел на связь в условленное время – вчера, в шесть часов вечера. Ничего страшного, всякие бывают случайности. Проигнорировал Крокодила и второй, запасной, сеанс – в час ночи. Тут начальство включило тревогу, причём весьма быстро и странно. Вместо того, чтобы послать с проверкой человека из Северо-Западного филиала, благо штаб-квартира под боком, – выдернули с задания Лесника. Из Сибири...

Объяснение может быть простым – Юзеф заподозрил, что кто-то из северо-западных, обеспечивавших работу Крокодила, прокололся. Как-то подставил полевого агента. И хорошо, если просто по халатности.

Результат – независимое от Северо-Западного филиала расследование проводит Лесник, подчиняющийся лично Юзефу. Вроде все логично.

Но взгляд со стороны портил картину. Вертолёт прибыл за Лесником в сибирский посёлок Ильди́кан через двадцать минут после пропущенного сеанса связи. *Первого* сеанса. Прибыл, чтобы доставить на ожидающий чартерный борт – из Читы Леснику довелось лететь в гордом одиночестве.

Маршрут был подготовлен доисчезновения Крокодила. И сигналом к немедленному старту послужил достаточно безобидный факт – пропуск сеанса связи.

Значить это могло все, что угодно.

Ясно лишь одно – полной неожиданностью для Юзефа пропажа агента не стала.

Или не пропажа.

Измена.

Глава четвёртая

Тенденция, однако.

Что-то часто мне стали трупы попадаться. К чему бы это?

Я, конечно, не кисейная барышня – при виде расчлененки в обморок не упаду. Но зрелище малоэстетичное. Полное впечатление, что в ванной имела место гладиаторская схватка человека со взбесившейся промышленной мясорубкой. По кафельным стенам, почти до зеркального потолка – кровавые кляксы. И – прилипшие кусочки мяса. Маленькие, уже усохшие – жара. И запах...

Странная деталь: в ванной валялся расчленённый мужской труп.

И с чего Фагота вдруг на мужчин потянуло? Совсем другие у маэстро были вкусы.

Версия: покойный обитатель ванной не сошёлся характерами с покойным хозяином квартиры. И первый отравил второго ядом, действующим не мгновенно. А второй успел привести первого в наблюдаемое агрегатное состояние. После чего рухнул под действием отравы.

Стоп. Причём тут отравы? Следствие (в моем лице) никаких доказательств отравления не обнаружило.

Но я ведь собирался поставить простенький такой опыт, да отвлёкся на очередной трупешник...

Где тут градусник?

Последовавшая сцена выглядела, надо думать, с оттенком некоего извращения. Гомонекрофилии, скажем...

Но что делать, если из трех способов измерения температуры ртутным термометром – под мышку, в рот, в задний проход – к Фаготу оказался применим лишь один?

Результаты смелого опыта окупили отсутствие в нем эстетики. Сведённые трупным охлаждением мышцы Фагота обязаны были расслабиться – за то время, что он остывал до измеренной температуры. Не расслабились. Предсмертные судороги. Отравление...

Чем? Неясно. Половина вызванных мною из глубин памяти ядов порождала у вкусивших их подобные судороги. Да, в принципе, и неважно.

Есть вопросы более актуальные: кто угостил отравой Фагота? По какой причине? И можно ли выйти на меня через отравителя? Впрочем, два последних вопроса снимаем. Достаточно найти этого ученика Чезаре Борджа. И хорошенько расспросить... Как говорят профессионалы – выпотрошить. Но они-то это в переносном смысле.

Итак, подозреваемый номер один уютно расположился в ванной. С него и начнём.

Начать я не успел.

До сих пор, изошрив слух до верхнего предела, я слышал все, что происходило и во дворе, и на лестнице – но игнорировал посторонние звуки. А сейчас внутри дзенькнул звоночек тревоги – к двери квартиры кто-то подошёл.

Я метнулся к глазку.

Тревога оказалось ложной.

Заворачивать было некого – женщина с мусорным ведром в руках прошла мимо. Молодая, года двадцать четыре максимум... Но вилавшая виды – это мягко выражаясь. А грубо говоря – несколько потасканная. Хотя аппетитная, в моем вкусе.

Не прошло и минуты – возвратилась, загремела ключами на этой же площадке. Значит, живёт одна, иначе зачем запирать, выходя во двор... Или семья в отъезде – лето, отпуска, дачи, ничего удивительного. Возьмём на заметку. Может, пригодится...

Я вернулся в ванную. Натянул латексные перчатки. Ещё раз внимательно присмотрелся к фрагментам. И не просто присмотрелся – перебрал валявшуюся в ванне крошку кусок за

кусом. Мужчина, не старый, в хорошей физической форме. Заколот сзади, в область сердца. Удар точный и грамотный. Анатомию Фагот знал хорошо, хотя никого и никогда не лечил.

Части мышечной ткани не хватает. Весьма значительной части.

Пардон, а где голова? Куда задевал друг Фагот столь важную деталь организма?

Вот и она. На почётном месте, в биде. Мог бы и в холодильник сунуть. Обидно, такая славная черепушка, – и провалилась не меньше полусуток в тепле... А головы, как и осетрина, имеют одну свежесть, первую и последнюю, хоть чёрной икры и не мечут...

Извлечённый из биде смотрит на меня мёртвым взглядом. А каким, собственно, ему смотреть? Не профессор Доуэль, в конце концов. Кстати, автор того триллера про говорящую голову жил и умер в нескольких кварталах отсюда. Бывают в жизни интересные совпадения.

Ну так добавим ещё одно. Обозначим таинственного незнакомца кодовым наименованием «Доуэль». До выяснения настоящих анкетных данных.

Та-а-к... Блондин, лет тридцать пять – сорок. Особая примета – горизонтальный шрам на лбу. Заживший, но относительно свежий. Похожий на след от вскользь царапнувшей пули. Да, надо быть раненым в голову, чтобы поворачиваться спиной к Фаготу при отсутствии свидетелей...

Итак, херр Доуэль, я сыграю с вами в маленькую салонную игру. Не знаю, как её называют шарлатаны-френологи – но, наверное, уж придумали какое-никакое название. А я Академию Высшего Разума не заканчивал, астральных дипломов не имею. Я – практик-самоучка. Но знаю, что голова – самый болтливый орган человека. Даже мёртвая – если, конечно, отделена от тела сразу после смерти. Иначе эхо последних мыслей тонет в воплях не желающих умирать органов, сигнализирующих мёртвому мозгу о своём бедственном положении.

Пальцы нежно гладят светлые волосы. Кто ты, друг? Зачем пришёл сюда и как погиб? Ответь мне, старому своему другу, ты знаешь, как я тебя люблю, какие секреты могут быть между друзьями... Мы сейчас с тобой одно, одно целое – ты и я...

Ничего. Пустота. Потом – боль, короткая и раздражающая на части. Потом – удивление, безмерное удивление. Снова ничего. Пустота. Темнота.

Голова выскользнула у меня из пальцев. Стукнулась о кафель. А следом на пол ванной сполз я.

Сидел долго. Мыслей не было. Сил тоже. Время исчезло. За ним исчезло все остальное. Все вернулось – медленно, неохотно.

Я встал, пошатнулся, шлёпнулся обратно. Встал снова, держась за ванну – я вообще-то упрямый. Долго ловил губами струйку из крана. Сказать, что мне было плохо – значит приукрасить действительность на несколько порядков...

Одежда липла к потному телу. Внутренние органы затеяли игру не то в прятки, не то в пятнашки – по всем закоулкам организма. Сердце, впрочем, не пряталось, но явно заболело манией величия. Вообразило себя высокочастотным генератором. Я попробовал сосчитать пульс и бросил безнадежное занятие...

Минут десять я потратил на подавление бунта собственного тела. На жёсткую зачистку. В результате смог ходить, хоть и не слишком быстро. И соображать, хоть и со скрипом. Детали организма, ответственные за прочие процессы, не ощущались. Исчезли. Примерно так куда-то исчезает щедро обезболенная стоматологом челюсть.

Самое главное – все напрасно. Хотя отсутствие информации – тоже информация. Свои мысли покойный блокировал, причём до самой смерти – и этот блок пережил его. Интересно.

А все остальное – ерунда. Ну, боль... Так ведь известно, что сердце богато нервными окончаниями. Удивился удару в спину – тоже понятно. Обычно люди искусства в спину бьют в фигуральном смысле. Не ножом. Фагот был редким исключением.

Не стоило тратить силы на дурацкую некромантию...

Потому что остался без ответа вопрос: кто вы, профессор Доуэль?

Вопросов не вызывает другое – если в течение часа я не получу дозу, одним трупом в этой квартире станет больше. Угадайте с трех раз, чьим...

Придётся плюнуть на риск и совершить небольшую прогулку. Доползти как-нибудь до бульвара...

С мертвецами я прощаться не стал. Скоро увидимся.

На мой жест остановилась третья по счёту машина – «вольво» с тонированными стёклами.

– Подвезёте? – спросил я, улыбнувшись как можно обаятельней и держась за открывшуюся дверцу – ноги подкашивались.

Водитель – молодой, но заплывший жиром – кивнул, похотливо улыбаясь. Больше в салоне никого не было.

Отлично. То, что надо. Мой покойный друг Фагот всегда предпочитал молоденьких девушек. А мне без разницы. Мне нужна доза.

Дела минувших дней – II

Ноябрь 1980 года. Детство Фагота

По телевизору показывали новую киноэпопею о войне.

«Блокада» – четыре полнометражных цветных фильма. Для советских зрителей, не избалованных потоком западных лент, – событие. На просмотр собралась вся семья Маратика – он сам, родители, бабушка.

Бабуля пережила блокаду – и наблюдала с особым, пристрастным интересом за действием, разворачивающимся на экране. А там все шло своим чередом: танки фон Лееба (наши Т-54, обшитые фанерой и размалёванные крестами) были остановлены героическими защитниками Ленинграда, тревожная осень перешла в кошмарную зиму, товарищ Жданов с болью в сердце очередной раз урезал хлебные нормы, а истощённые рабочие падали в голодные обмороки у станков...

– Нашнимали... – прошамкала бабуля, когда по экрану замелькали финальные титры. – Што бы они шнали, молокошошы...

Когда она замолкала, бескровные губы проваливались внутрь рта – и внук вздыхал с облегчением. Потому что когда рот открывался – виднелись два последних зуба – длинные, жёлто-коричневые, торчащие из гладких влажных дёсен нижней челюсти. Бр-р-р...

– Как же, фешли они мертфякоф шереш фешь город на шаношках, – шипела старуха. – Иш парадной ваташ-шат, на шугроб полошат – и лешат те до фечера, шавернутые. Днём-то не трогали... Штешнялишь. А утром глянешь – рашфернуты, мяшо пофырешано... Хотя што там ша мяшо, шешшкое, шилы одни...

Невестка – мать Маратика – глядела на старуху с тихой ненавистью. Но молчала. А мальчик смотрел бабуле в рот в прямом смысле слова, не мог оторваться от гипнотизирующего зрелища: кожистая щель сменяется бездонным провалом, зубы торчат двумя одинокими часовыми...

– Опять вы, мама, за свои бредни, – зло сказал отец. – Шли бы вы... спать, время позднее...

Старуха пошаркала в свою комнату.

...Через две недели Маратик вернулся из школы, прошёл на кухню, – бабуля сидела за столом, что-то жевала.

Внук замер, не веря глазам. Рот старухи был полон зубов. Белых. Острых. Страшных. Бабушка широко улыбнулась.

Он выбежал с криком – истошным, рвущим перепонки. Мать, примчавшаяся из ванной, ничего не поняла в рыданиях сына:

– Там... там... там... Кровь!!!

Действительно, по сверкающим белизной зубам размазались несколько алых капель. Новый протез натирал десны. Всего лишь.

Глава пятая

Знаменитый царскосельский карнавал должен был начаться на следующий день. Сейчас в городе шли последние приготовления, превращавшие скверы, бульвары и парки в арену грядущего праздника.

В этом сквере тоже кипела работа: устанавливали временную эстраду; вкапывали в землю четыре гладких деревянных столба – непонятно, для какого аттракциона; раскладывали громадное полотнище, которому суждено было вскоре превратиться в надувной батут...

Двое сидели на скамейке – в стороне от всей суеты. Один в форме, второй в штатском. Один спрашивал, второй отвечал – такие у них были правила игры. Разговор мог покорибить постороннее ухо, но посторонних ушей и прочих частей тела поблизости не было. Хотя речь шла именно о них. О частях. Тела.

– Голову нашли?

– Нет. По всему городу собирали, по всем мусорным бачкам. Нет головы. Мягких тканей тоже изрядно не хватает. Говоря проще, мяса.

– Как опознавали?

– По пальчикам... И пирсинг у неё характерный имелся. Шрам от аппендицита... Она, больше никому.

Мимо проковылял, раздвигая траву палочкой, инвалид алкогольного фронта. Искал не то грибы-шампиньоны, не то пустые бутылки. Собеседники сделали паузу – пока он не удалился.

Старшеклассница Татьяна Комарова исчезла неделю назад. Обнаружилась быстро, через два дня. Обнаружилась по частям. По фрагментам, упакованным в полиэтиленовые сумки.

Не стыкуется, подумал человек в штатском. Головы нет, а руки нашлись. Когда хотят затруднить опознание, кисти тоже где попало не разбрасывают.

– Изнасилована?

– По полной программе, во все дыры. И осторожный, гадёныш – презерватив нацепил.

– Он, кстати, признался?

– А куда денется? Дело-то ясное.

Человек в штатском так не считал. Но спорить не стал, его собеседник, служивший заместителем начальника Царскосельского РУВД, считался большим специалистом по изнасилованиям.

– Есть ещё одна маленькая просьба, почти личная. С отдельным, естественно, вознаграждением. Попробуйте неформально разузнать у коллег, кто у вас в городе профессионально бомбит тачки. И – кто скупает у них добычу. Севшие меня не интересуют, только действующие...

Человек в форме кивал, делая пометки в блокноте.

Вскоре он ушёл, получив приятно похрустывающий конверт. Майор Канюченко спешил – через десять минут в РУВД начиналось совещание.

Лесник остался.

Лесник недолюбливал ментов. А кто их любит? Жены и любовницы. Ещё авторы криминального жанра, да и те изменяют с частными сыщиками. Но по делу маньяка-расчленителя других источников у Лесника в Царском Селе не было.

Он посидел минут пять на скамейке, размышляя.

Итак, ментам в деле Татьяны Комаровой все ясно. Убийцей, по мнению Канюченко, был двадцатилетний ухажёр Комаровой – студент Толик Корнеев. На свидание именно с ним вышла из дома Татьяна и не вернулась. Именно он поднял тревогу – изводя Комаровых-старших бесконечными звонками.

Естественно, после кровавых находок парень первым угодил в поле зрения стражей порядка. И тут же выяснились неблагоприятные для него факты.

Этот дурак поспорил с друзьями – мол, трахнет наконец малолетку-недотрогу (пустые ухаживания Толика давно служили мишенью для насмешек). Трахнет и даже представит доказательства. Пари на ящик пива было заключено при свидетелях. И к моменту исчезновения Комаровой оставалось от установленного трехнедельного срока всего ничего – два дня.

Понятно, что нормальный человек таким способом исполнять обещанное не станет. В конце концов, представившись ящиком пива, по миру не пойдёшь – даже при студенческих доходах. Зачем брать грех на душу?

Но дела об изнасилованиях редко грешат безупречной логикой – как со стороны насильников, так и их жертв. Разные бывают случаи.

Версия следствия незамысловата: пытался выиграть пари – решил подпоить, чтоб была податливее, заодно нажрался сам. И пошло-поехало – пьяный студент от пьяного маргинала мало отличается. Допустим, добился своего – не слишком-то добровольно. Она пригрозила статьёй о несовершеннолетних. Толик озверел или струхнул, нынче все знают, какая жизнь начинается в камере у взятых по этой статье.

В общем, убил. Потом вспомнил о похождениях Мозговеда, смакуемых жёлтой прессой. И решил имитировать манеру убийцы-серийника.

Простая и изящная версия. Жаль – чисто умозрительная.

Толика вызвали на долгий обстоятельный допрос, с которого он не вернулся. Ему бы замолчать, послать всех на три буквы, но... Пошла обычная игра знающих законы людей против незнающего. Мы вас ни в чем, упаси боже, не обвиняем – вы всего лишь свидетель. Но, извините, свидетелю юлить и от дачи показаний отказываться не положено. Вот и статья соответствующая в кодексе, взгляните. (О количестве посаженных по данной статье, понятное дело, – молчок.) И в ваших интересах, поверьте, рассеять все неясности – дабы как можно быстрее найти убийцу. Вы ведь заинтересованы в этом, не так ли?

Бедный дурачок купился. Рассказал все. И про пари идиотское. И про намерения свои в отношении Таньки – тоже. За намерения ведь не судят?

Тут ему предъявили нож.

Дерьмовый, честно говоря, ножичек, хоть вид и грозный. Тайваньская копия ножа французских паршей, продаваемая многими магазинами как «нож бытовой». Сталь – из такой молотки делать. Но дело было не в стали...

Ваш нож? Вроде мой... Давали кому-нибудь попользоваться? Н-н-нет... Нет, никому не давал. Но давно не видел и в руках не держал – наигрался и засунул куда-то... Чудненько, так и запишем. Нашёлся ваш ножичек. На помойке. В пакете пластиковом. Вместе с куском любимой вашей женщины. Может, лучше поведать, как оно было? И тут же – явку с повинной. Вас ведь никто не арестовывал, сами пришли...

Следствие покатило накатанной колёй.

Безнадёжно. С делом маньяка по прозвищу Мозговед. С серией.

То, что оставалось от его жертв (женщин не старше двадцати пяти), Мозговед тоже паковал в полиэтиленовые пакеты – правда, выбрасывал их все кучей, в одном месте. И те фрагменты обнаруживались на северных окраинах Питера – там же пропадали девушки. А Царское Село, как известно, – южный город-спутник Санкт-Петербурга.

Модус вивенди для маньяка-серийника – дело святое. И группа спецов из ГУВД, занимавшаяся делом Мозговеда, царскосельского убийцу таковым не признала. Хотя сомнения оставались. Пока они не переросли в уверенность, надо было взять преступника.

Его и взяли. Взяли и активно сейчас прессовали – выжимали из студента место, где он насиловал и убивал Татьяну.

Лесника изнасилования и убийства не интересовали. В данном случае его занимала лишь одна особенность – отсутствие у трупа головы. Мозговед головами не разбрасывался, аккуратно складывал со всем остальным. Характерные головы: черепные коробки вскрыты, мозги

вынуты. Распилены одинаково, механическим способом. Фрезой или дисковидной насадкой. Вполне возможно, что жертвы в процессе вскрытия оставались живыми.

Отсутствие головы у царскосельского трупа – ниточка сама по себе гнилая, но подёргать именно за неё приехал Крокодил.

И – не вернулся.

Лесник не верил, что все так просто. Некоторые детали дела позволяли заподозрить связь царскосельской трагедии с другой – тянувшейся давно и редакция «Царскосельского листка», где, судя по его рапорту, первым делом побывал агент Радецки, квартировала в помещении царскосельской администрации, на первом этаже.

Светло-серое здание бывшего райкома-горкома-райсовета было неуловимо, на самой грани восприятия, стилизовано под готику – словно архитектор собирался создать нечто романтично-вальтерскоттовское, но был подвергнут жесточайшему разному на партбюро и наступил на горло собственной песне. Но она, песня, все-таки прорывалась еле слышным отзвуком – чуть приподнятые углы крыши намекали на готические башенки, вытянутые окна – на стрельчатые замковые бойницы...

А в уважающем себя замке обязаны водиться призраки, подумал Лесник. И хорошо – если безобидно завывающие после отбоя... Подумал, ожидая, пока ему оформят пропуск (очередной всплеск контртеррористической бдительности был в разгаре). Но ни призраки, ни иные галлофантомы на пути к редакции не повстречались.

...Лицо у Люси Синявской было одухотворённое, пальцы порхали над клавиатурой компьютера, как над клавишами рояля. Или органа. Или чего-то ещё музыкально-возвышенного. В детстве Люся (тогда её звали Лялей) подавала большие надежды в самых разных областях, и умиляла своих и чужих родителей исполнением «Лунной сонаты» на школьных вечерах. Те годы давно прошли, и из-под бойко порхающих пальчиков рождались отнюдь не волшебные звуки Бетховена – наверняка какая-то новая гадость для «Царскоселки».

Времена расцвета и миллионных тиражей для демпрессы кончились, цвет царскосельского издания резко пожелтел, гонорары прокормить никак не могли – и Люся Синявская подрабатывала на Контору. Не зная лишних подробностей, разумеется...

Лесник ненавязчиво кашлянул.

Синявская подняла голову, хотя и без того давно заметила пришельца. Но правила игры превыше всего. Посетитель должен сразу понять, что ты ему нужнее, чем он тебе.

– Здравствуйте, Людмила Федоровна, – сказал Лесник. – Я вам звонил по поводу незавершенной миссии моего коллеги...

– Да-да, – сказала Синявская, – не повезло ему, аппендицит в такое время... Вместо летнего отпуска – в больницу. Хотя, сейчас вроде делают операции по шадящей технологии, и...

Лесник не был расположен к дискуссиям на медицинские темы и спросил прямо:

– Вы подготовили дубликат списка?

Синявская молча протянула листочек. Лесник пробежал столбик фамилий, и без того знакомых ему по рапорту Радецки.

Именно такой список получил Крокодил незадолго до своего исчезновения.

– Дискеты вы тоже возьмёте? – спросила Люся. Лесник постарался не выдать своего удивления. В рапортах Радецки ничего о дискетах не говорилось.

– Вот, две штуки, – сказала Синявская. – Слила для него все, что нашлось в редакции по этим людям... Он не передал их вам? Я на всякий случай сделала копии.

Лесник взял и это. Спросил:

– Вы можете что-то добавить про фигурантов списка? От себя, личное впечатление?

Синявская пожала плечами:

– Мне кажется, для задуманной вами книги это никак не пригодится. Список далеко не исчерпывающий – просто люди, засветившиеся в нашей газете по каким-либо потусторонним поводам. Рок-музыкант, выжимающий популярность из сатанистской символики; ясновидящая-шарлатанка; двое армянских солнцепоклонников, восстанавливающих свой культ по уцелевшим крохам; арт-шоу-мен, заигрывающий с чёрным цветом в рекламных целях... Никакой связи с людоедством, тем более ритуальным, я не чувствую. А нюх на такие вещи у меня за пятнадцать лет наработан...

И Люся втянула воздух своим породистым носом, словно демонстрируя наработанный нюх. Версии про художественно-документальную книгу о сатанизме она, похоже, не верила – но докапываться до истинных причин не собиралась. Лишь в фильмах журналисты жертвуют собой во имя любви к истине. В реальной жизни более популярен тезис: меньше знаешь – крепче спишь. Другое дело, когда информацию сольют и попросят растиражировать. Да ещё приплатят при этом.

Лесник и сам понимал, насколько условен составленный газетчицей список. С тем же успехом в него можно было включить и саму Синявскую. На стене её кабинета висел асимметричный лук и две маски чёрного дерева. И то и другое африканского происхождения – чем не намёк на практикующую вудуистку? Хотя с Гаити сувениры эти не связаны, больше похоже на Мозамбик или Танзанию...

Лесник перестал анализировать достопримечательности кабинета, решив, что люди Юзефа проверили внештатную помощницу вдоль и поперёк.

– Почему вы пишете псевдоним ясновидящей – Де Лануа – с большой буквы? Насколько я понимаю, французская частица «де» должна писаться с маленькой... Или уж слитно: Делануа...

– Это не псевдоним, настоящая фамилия, – ответила Люся. – По всем документам она Де Лануа. Именно с большой. Надо понимать, паспортисты в старые времена не слишком разбирались во французских приставках. Но что фамилия должна начинаться с большой буквы – это знали точно. А что написано пером...

Лесник ещё раз просмотрел список.

– Вы ничего не сказали про пятого человека.

Синявская чуть смутилась. Знать всё обо всех она считала своей профессиональной прерогативой.

– Там дана ссылка на стёртый файл... А разузнать не у кого – лето, народ в отпусках... Но как-то ведь этот Петраков с темой связан.

Лесник кивнул. Пожалуй, с этого пункта Крокодил тоже мог начать отработку списка. Любая неясность – какая-никакая зацепка.

– Все договорённости с вашим коллегой остаются в силе? – спросила Синявская. – Эксклюзив для периодики – наш? Не подумайте, что я сажусь вам на шею с этим фиговым листочком (она кивнула на список). У меня есть в городе достаточно источников, и если Мозговед действительно здешний, царскосельский...

– Не советую, Людмила Федоровна, – сказал Лесник. – Сами видите – тема чреватая. Не ровен час – приступ аппендицита случится...

По большому счёту, до безопасности журналистки дела ему не было. Но дилетантские поиски могли спугнуть дичь.

Синявская поняла. Однако не испугалась. В список её недостатков трусость не входила.

– У меня удалён аппендикс, – ответила она Леснику.

Задание Лесник получил в обход Северо-Западного филиала. Не беда, к автономной работе не привыкать. Но вполне вероятно, что придётся рыть носом землю, добывая сведения, которые давно пылятся в папках у северо-западных... Точнее, не в папках, а в компьютерных

файлах, и не пылятся, а... что там с файлами происходит? Неважно... Факт в том, что с данными, слитыми в прессу, много не накопaeшь...

Лесник вставил дискету в щель дисководa. Если материалы Синявской не откроются, лучше убедиться в этом здесь, далеко не уезжая.

Открылись. С маленького, десять на пятнадцать, экрана на Лесника смотрел человек в облачении жреца бога солнца Ара-Мазда.

Лесник удивлённо присвистнул.

Он знал, что на Кавказе культы старых богов издревле сохранялись в первозданном виде и даже не маскировавшись местными жителями под культы христианских или мусульманских святых. Не была исключением и Армения. Древний античный храм в местечке Нарни под Ереваном был передан в странные перестроечные годы язычникам-солнцопоклонникам. Секте «Аординери Ухт» (Дети Солнца). Использовался памятник архитектуры, помнящий ещё римское владычество, по прямому назначению и весьма активно. Регулярные моления собирали достаточно обширную паству со всей Армении. И – в храме совершались жертвоприношения. Официально считалось, что в жертву приносятся исключительно животные...

Однако на северо-западе Российской Федерации жрец бога Ара-Мазда выглядит слегка нетипично. Не к месту. Как кокосовая пальма в осино́вой рощице. Но удивление Лесника вызвало не это. Солнцопоклонник оказался по совместительству владельцем единственного в городе кафе, готовящего настоящую толму (вай! пальчики оближешь!) и неудачливым покупателем «нивы» Крокодила.

Аратом Суреновичем Хачатряном.

Бывают в жизни совпадения. Похоже, к Московским воротам сегодня придётся ещё вернуться...

Лесник стал изучать объёмистый файл. За два последних года «Царскосельский листок» посвятил солнцопоклоннику-миссионеру достаточно публикаций. Ладно, почитаем. Какое ни есть, а все-таки досье – Студенты выходили шумной толпой – библиотека аграрной академии закрылась на обед. Лесник стоял в стороне, пережидая поток, и не обращал внимания на симпатичных студенток. Хотя пришёл сюда именно с целью познакомиться с девушкой.

С Анной Черноивановой.

Эти имя и фамилия были упомянуты в первом рапорте Радецки. Ничего конкретного о девушке Эдик не написал. Имя, фамилия, место работы, сообщение, что контакт проживает в одном доме с двумя подозреваемыми и разработка его представляет интерес.

Встречи с людьми из списка журналистки в тот рапорт не попали. По каким-то причинам Эдик отрабатывал Черноиванову первой. Искал подходы к её подозрительным соседям? Или... Лесник решил не мудрствовать лукаво, а поставить простой следственный эксперимент – пойти путём коллеги. След в след. И посмотреть, что из этого выйдет. Фактически – стать живцом. Надо понимать, со стороны за ним должны приглядывать – свои, тихо и незаметно. Не такой человек Юзеф, чтобы оставить удочку с живцом без присмотра. Особенно в месте, где водятся акулы-людоеды...

Светиться нельзя, решил Лесник. Если исчезновение Крокодила как-то с ней связано, то... Кем бы ей представиться? Он перебрал десяток возможных легенд – занятие достаточно бесплодное, если учесть, что Радецки не сообщил, в каком имидже предстал перед Анной.

...Внутрь заходить не пришлось. Спустя несколько минут после закрытия из библиотеки вышла девушка, на вид постарше студенток, в компании с дамой лет сорока пяти. Попрошались, пошли в разные стороны, причём дама, расставаясь, назвала спутницу Анютой...

Она? Она, больше некому, как говорит майор Канюченко. Лесник внимательно оглядел девицу.

Лёгкие хлопчатобумажные брюки, закрытая кофточка на пару размеров больше – висит погасшим куполом парашюта. Несовременная барышня? Предпочитает одежду, не подчёрки-

вающую очертания фигуры? Есть и такие, не до конца вымерли – стесняются своих форм, даже если формы имеются... У этой имелись.

На плече болтается сумка. Плеер, крохотные наушники. Девушка с плеером, подумал Лесник. Почти как девушка с веслом...

Ладно, надо знакомиться. Работаем вариант командированного, брезгающего шлюшками, но скучающего без женского общества.

С девушками он знакомился просто. Как Серый Волк с Красными Шапочками.

– Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, заплутавшему среди архитектурных красот приезжему: как пройти в библиотеку?

Красная Шапочка посмотрела с интересом. Выключила плеер. Учítывая, что аршинные буквы «БИБЛИОТЕКА» маячили у неё за спиной, вопрос был, мягко говоря, риторическим. Но обаятельная улыбка Лесника действовала в таких случаях безотказно.

– В такую жару – в библиотеку?

– Ищу место, где прохладно, безлюдно и романтично. Лучшего убежища, чем подвалы с книгами, по-моему, не найти.

– Это страшная ошибка. Кондиционеров нет, в залах – духота. А когда проветривают, – сквозняки пудовые фолианты уносят...

Она сняла с головы наушники и повесила их на шею.

– Но залы-то хоть пустые?

– Что вы, толпы народу! Сессия...

– А подвалы? – не сдавался настырный библиофил. – Уж там-то точно прохладно. И не бродят толпы алчущих знаний студентов...

– Не бродят, – согласилась девушка. – Но и книг там нет – протечки, сырость, комары...

– Я археолог, – пожал плечами собеседник, – и не боюсь ни сквозняков, ни сырости, ни комаров.

Комары для Лесника действительно проблемы не составляли. Просто не кусали. Для них, как и для других кровососов, его кровь была ядовита – побочный эффект СКД-вакцинации. Мелочь, а приятно.

– Археолог? – удивилась девушка. – А я подумала, вы боксёр. У вас ведь нос был когда-то сломан, да?

– Все настоящие археологи похожи на боксёров. Прошрое может больно ударить.

Да, маски не просто прирастают к лицу. На извилины воздействуют тоже. Лесник физически чувствовал, как внутри его начинает всплывать выпускник истфака десятилетней давности. Даже инфантильно-напыщенная лексика вернулась. Ладно, сойдёт. Мамзель на контакт идёт охотно, и пошлости её не пугают. Истосковалась среди уносимых сквозняками фолиантов.

– А если серьёзно, мне надо к Московским воротам. Где библиотека, я на самом-то деле знаю, – он улыбнулся чуть виновато, словно она могла воспринять его первый вопрос всерьёз. – Как к ним попасть, не подскажете?

Она наморщила лобик.

– Московские ворота – это недалеко, минут двадцать ходьбы. Рядом с Колоничкой. Знаете такую?

Лесник вздохнул, покачал головой и движением фокусника извлёк карту Царского Села.

Девушка склонились над картой. От её волос сладковато пахнуло душицей. И – молодостью. Рядом с доверчивой Красной Шапочкой он чувствовал себя Волком седым, покрытым шрамами старых схваток... Только нельзя забывать, что Радецки пропал, возможно, после встречи с этим милым созданием. Нельзя расслабляться. Иначе все закончится – как у того Серого Волка в старой сказке – вспоротым брюхом...

– Ничего не понимаю... – сказала девушка, вглядываясь в названия улиц с «ятями». Город муз на плане был существенно меньше нынешних своих размеров. – Подождите... Это же дореволюционное издание!

– С тех пор что-то существенно изменилось? – удивился Лесник.

Она наконец засмеялась, оценив его творческий подход к уличным знакомствам. Смех никак не соответствовал образу книжного червя. Что там водится в тихом омуте? – подумал Лесник. И оборвал мысль. Вспомнил один недоброй памяти омут у позаброшенной деревушки в Псковской области.

Он убрал карту.

– Кстати, что вы сегодня делаете?

– Вечером я занята, – сказала она. – Пишу одному дядьке черновик реферата. Небольшая халтурка.

– Днём, – сказал Лесник. – Только днём. Планы на вечер мы успеем обсудить.

– Как вы самонадеянны.

– Издержки профессии. Можно сказать, службы. Так вы покажете заблудшему дорогу?

– Хорошо, но с вас лимонад и мороженое. Она двинулась вдоль канала, окаймлявшего Екатерининский парк. Лесник пошёл рядом.

– А о чем реферат, если не секрет?

– История создания военно-полевых судов...

Вот оно что... Вот откуда в машине Крокодила оказался странный опус... Ну и зачем ему все это понадобилось?

Они прошли мимо припаркованной «нивы» Лесника. Предлагать девушке прокатиться он не стал. Неспешная прогулка с бессодержательным трёпом устраивала куда больше. В таких разговорах часто всплывает что-то интересное... И кое-что уже всплыло.

Да и не садятся приличные девушки в машины к незнакомым людям. Ладно, пора познакомиться.

– Простите, забыл представиться, – сказал он. – Тимофей Лесник, старший научный сотрудник Института археологии.

– Как?

– Лесник. Ударение на "е".

Действительно, фамилия, стоявшая в его нынешнем паспорте, отличалась от рабочего псевдонима лишь ударением. Не то совпадение, не то скаламбурили люди, готовившие документы. Хотя едва ли, не положено им знать псевдонимы полевых агентов... Совпадение. Но познаниями в археологии Лесник – как там ни ставь ударение – не опозорится и перед профессионалами. Так что никакого самозванства. Почти.

– Анна, – представилась девушка. – А как вы догадались, что я работаю в библиотеке?

– Элементарно. По музыке, которая звучала у вас в наушниках.

Она улыбнулась.

– И что, по-вашему, у меня звучало?

– Вивальди, конечно. Библиотечные дамы не мыслят себя без Вивальди.

Улыбка сползла с её лица.

– Не понимаю, как это можно было услышать... Я не включаю плеер так, чтобы рвал перепонки.

– Если не ошибаюсь, «Времена года», последняя часть «Лета»... – как ни в чем не бывало уточнил Лесник. – Вы действительно библиотечкарь?

– А вы действительно археолог? – парировала Анна.

– Это прикрытие, – не стал лгать Лесник. – Вообще-то моя фамилия Бонд, и здесь я на задании. МИ-6 интересуется одна раритетная брошюрка полувековой давности. Труд профессора Зейдер-Ковальцева о выращивании кукурузы на крайнем севере...

– Антарктиду будете засеивать?

– Нет, Гренландию. Дабы привести в соответствии с названием. А то что-то сильно побелела она со времён викингов...

Скулы Лесника уже сводило от трепотни с претензией на юмор.

– Что вы слушаете, кроме Вивальди? – сменил он тему. – Современную музыку?

Выстрел был наугад – и угодил точно в десятку.

– Не слишком часто... Да и что слушать? Группу «Фаги», нашу местную достопримечательность? Как вы к ним относитесь?

Про группу «Фаги» Лесник знал многое, по этой теме досье Синявской было исчерпывающим. Но предпочёл изобразить невежество:

– Хм, фаги... Была такая древнеиндийская секта... Они же ритуальные душиатели, служители богини Кали. При чем тут музыка?

(Что эта секта, как и её среднеазиатское ответвление – туги – не только была, Лесник добавлять не стал.)

– Совершенно ни при чем! – она рассыпала звонкие бусинки смеха. – Вы правы, нет там музыки, сплошное тум-тум-тум. Терпеть не могу кислотного экстаза.

Что такое «кислотный экстаз», Лесник понятия не имел. Музыкальный стиль, судя по контексту... Да и неважно. Важно другое: лидер «Фагов» Марат Иванов (сценический псевдоним – Фагот) возглавлял список, по которому работал пропавший Радецкий.

Список потенциальных тенятников.

Дела минувших дней – III

Княгиня Ольга

Долголетие людей, повинных во множестве смертей, замечено давно.

Члены сталинского Политбюро, обрекавшие на гибель десятки тысяч людей одним росчерком пера, дожили до перестроечных лет и могли читать в демократической прессе статьи о своих кровавых деяниях. До сих пор то тут, то там проходят процессы над гитлеровскими палачами, а врач-убийца Менгеле до последнего времени был дичью номер один для израильской разведки Моссад, не признающей сроков давности.

Впрочем, эти странные совпадения ничего сверхъестественного из себя не представляют – столетний возраст для людей не уникален, хоть и не слишком распространён.

Но были и есть в роду человеческом особи, отличающиеся как запредельным сроком жизни, так и другими необъяснимыми способностями. С диетами и здоровым образом жизни это никак не связано...

Первым таким человеком, упомянутым в русских летописях, была знаменитая княгиня Ольга. Точная дата её появления на свет неизвестна, в учебниках и энциклопедиях вместо года рождения стоит "?", но некоторые факты из жизни княгини, датированные хрониками, позволяют сделать интересные выводы.

Просватана за своего будущего мужа, князя Игоря, Ольга была в 883 году. Свадьба состоялась двадцать лет спустя, в 903-м. В принципе, ничего необычного, дочь владетельного государства могли просватать в колыбели, и ждать совершеннолетия невесты, но... Происхождение Ольги темно и загадочно, ни одна из пяти существующих на этот счёт версий не может быть признана удовлетворительной, – ясно только, что из правящих династий того времени будущая княгиня не происходила. К тому же известно, что Игорь повстречал свою суженую в 880 г., будучи на охоте, – девушка перевезла его через реку на лодке и поразила мудрыми речами, более подходящими для старухи («не юношеским, но старческим смыслом глаголаше»).

Если принять на веру дату рождения Ольги, приводимую Иоакимовской летописью, то будущей княгине было в тот момент не менее 120 лет, и мудрым её речам удивляться не приходится.

Брак оказался долгим и бесплодным. Первого и единственного ребёнка Ольга родила в 942 году, спустя шестьдесят два года после встречи с будущим мужем. Получив наследника, князь Игорь прожил недолго – зачем-то отправился на восемьдесят пятом году жизни в военный поход на древлян и погиб.

Вторично замуж Ольга не вышла, хотя предложения были. В 957 году византийский император Константин Багрянородный, прельстившись молодостью и красотой княгини, предложил ей руку и сердце. Неувядающая прелестница отказала – и последние четверть века своей жизни прожила в одиночестве, оставаясь при этом полновластной владычицей русского государства – сын, Святослав, с ранней юности проводил время в зарубежных военных походах.

Историю Ольги можно счесть мифом, угодившим в летописи, – но византийские источники подтверждают визит к императору Константину русской красавицы, «архонтессы Эльги». В скандинавских, германских, арабских хрониках тоже отражена загадочно-долгая жизнь и не менее загадочная вечная молодость княгини русов...

...Тризна превратилась в побоище.

Люди кричали, умирая.

Молили о пощаде.

Хрипели, когда их тела вспарывали мечи и пронзали копья.

Рядом шумела вода днепровских порогов...

Княгиня слушала. Лицо её застыло красивой маской. Стояла на вершине холма, который и десятилетия спустя будут звать «Кровавым».

Земля аела от крови. Красные ручейки сбегали к реке. Живых оставалось все меньше. Крики смолкали. Так же – совсем недавно – стихали вопли сгоревших заживо и глухие стоны заживо погребённых. Сожжённых и зарытых волею княгини Ольги, справившей ритуал Огня и ритуал Земли.

Последний стон последнего древлянина оборвался. Стало тихо, слышалось лишь тяжёлое дыхание забрызганных кровью дружинников. Ритуал Воды завершился. Оставался ритуал Воздуха...

В летописях приводится легенда, согласно которой Ольга уничтожила Искоростень – столицу убивших её мужа древлян – атакой с воздуха, привязав горящий трут к лапам голубей и воробьёв, взятых с города в качестве дани. Орнитологи утверждают, что такое невозможно – испуганная огнём птица полетит куда угодно, кроме родного гнёзда. Но как бы то ни было, в 946 году град Искоростень навсегда исчез с карт и из хроник...

После христианизации Руси внуком Ольги, Владимиром, покойная княгиня (крестившаяся на закате жизни) была канонизирована.

Спустя девятьсот лет, на заре XX века, А. Н. Соболев написал в своей статье, изданной в «Трудах Владимирской учёной архивной комиссии»:

Тенятниками наши предки называли живых людей... получивших и возобновлявших свои колдовские или сверхъестественные способности за счёт смерти (жестокого убийства) других людей...

Это было первое, во многом наивное, научное определение тенятничества.

Глава шестая

Губы мёртвого придурка так и застыли – в виде трубочки. Словно он до сих пор пытался вымолвить последнее своё слово: «сука». Адресованное мне слово. А может быть, и «шлюха» – до финальных секунд своей жизни покойник продолжал считать меня женщиной. Причём, скажу без хвастовства, весьма юной и красивой...

Ничего удивительного, людям свойственно ошибаться. Удивительно другое – как у меня хватило сил поддерживать в нем ошибочное мнение почти двадцать минут – пока этот похотливый кобель выбирал глухое местечко на безлюдных задворках Баболовского парка. Но что ни делается – всю к лучшему. Если кто и забредёт в эти кусты и увидит машину, решит, что тут парочка занимается любовью за густо тонированными стёклами... Найдут козлика далеко не сразу.

Кровь стекла, можно приниматься за дело, не рискуя испачкаться. Хотя добраться до дозы будет нелегко, монтировка (иностранная, блестящая, из легированной стали) предназначена для несколько иных операций. Как тут не пожалеть об инструментах Фагота, оставшихся в его квартире. Не о музыкальных, естественно. Дрель с дисковой насадкой весьма бы сейчас пригодилась...

Я примерился и вогнал заморскую железяку в ухо любителю голосующих на дорогах девочек. Передохнул, собираясь с силами – руки тряслись, в ушах гудели похоронные колокола. Наступил подошвой на голову придурка, прижал её к днищу машины. Потом из всех оставшихся сил использовал изобретение старины Архимеда, проще говоря – рычаг. Кость хрустнула. Говорят, у дураков головы дубовые и черепа отличаются повышенной прочностью. Ничего подобного. Проверено.

Жизнь была прекрасна.

Я шёл Баболовским парком, больше похожим на лес, по аллее, больше похожей на лесную дорожку. А вокруг сверкало лето – травки-цветочки, птички-бабочки, букаш-ки-козявочки, прочая флора с фауной... Я любил их всех, и даже к оставшемуся в машине парню относился сейчас с дружеским сочувствием. Ничем он, если вдуматься, и не был виноват, проявил естественное мужское начало, а тут... Ой, как стыдно...

Ещё одна представительница фауны выползла на дорожку – бабка-грибница. В корзинке грибы-колосовики – крепкие, ядрёные. Надо же, и в июне попадают.

Но бабка попала на моем пути зря. От машины моего безмозглого (в прямом смысле) друга я отошёл совсем недалеко, а старушки бывают ох как памятьливы.

Ну что же ты на меня так уставилась, старая? Что челюсть отвесила? Кровь на рукаве? Да ты присмотришься, присмотришься, протри зенки подслеповатые... И ни кровь это вовсе, а краска. Причём зелёная. Поняла? Запомнила?

Бабка отвела взгляд, успокоившись. Вот и славненько, убивать старую рухлядь в такой прекрасный день не очень хотелось. Наоборот, хотелось сделать ей что-нибудь неожиданное и приятное. Пошутить по-доброму...

– Ой, бабуля, что же вы таких грибов-то червивых набрали? – спросил я, недолго думая.

Она машинально глянула в корзинку. И увидела вместо боровиков-подберёзовиков гнилую труху, в которой кишели грибные черви. Всем червям черви – жирные, осклизлые, с палец длиной. По-моему, в их раскрытых пастьях даже виднелись мелкие острые зубы.

Старушка завопила и тут же смолкла. Отбросила корзину. Грибы раскатились по траве живописным натюрмортом. В центре оказалась бабка – шлёпнулась на задницу и тупо раскрыла рот. Плоховато у старой с чувством юмора.

...От парка я укатил на первой же попутке. Пожилой водитель ехал медленно, осторожно, пропуская всех, кого видел. А внутри меня все кипело и стремилось вперёд – сила и жгучее желание её применить разрывали меня на части...

Пришлось взять управление на себя – не покидая, впрочем, пассажирского сиденья. Выпучив глаза, шофёр-недотёпа смотрел на иномарки, трусливо шарахающиеся от «москвича»-камикадзе; на собственные руки, вращающие руль против воли хозяина; и на ногу, самоchinно вдавившую газ до упора...

Домчались с ветерком.

В квартире Фагота ничего не изменилось – обитатели её тихо лежали, где я их и оставил. Изменился я – понял, какими дурацкими делами занимался тут полтора часа. Не стоило пихать термометр в мёртвую задницу и вести беседы с мёртвой головой. А стоило порыться в этой вот грудке окровавленных тряпок. В карманах одежды Доуэля.

...Интересного там оказалось мало. Собственно говоря, лишь одна бумажка, отпечатанная на принтере.

Ровный столбик – фамилии, инициалы, адреса. Лишь одна строчка выделяется – фамилий там две, причём две одинаковых. Хачатрян А.С. и Хачатрян С.О.

На третьем почётном месте идёт мой друг Фагот. Под мирским, естественно, именем: Иванов М.С. Некоторые поклонницы не знают, что в его паспорт вписана плебейская фамилия Иванов. Да ещё и Марат Сергеевич. Ясное дело, с такой анкетой на эстраду без псевдонима никак...

Четвёртым пунктом списка (адрес тот же, лишь квартира разнится) – Де Лануа Ж. Г. Если я что-то понимаю в пчёлах и мёде – то это наша известная царскосельская прорицательница и ясновидящая Жозефина. Действительно проживающая в этом же доме. Де Лануа, хм... Неужели вправду из французов? Скорее, из циркачей. Лет сто назад любой Ванька Козолупов, поступая в жонглёры или акробаты, брал звучную французскую или итальянскую фамилию. И в паспорт потом вписывал.

Не люблю шарлатанок, пусть и с импортными фамилиями... Даже таких раскрученных, пользующих местную элиту.

Что носить в карманах – конечно, дело вкуса каждого.

Но сдаётся мне, что едва ли кто-то выходит из дому с одним лишь непонятным списком. Проще предположить, что маэстро банально ошмонал покойника – а бумажку с фамилиями второпях не заметил. Вопрос: куда этот щипач-любитель припрятал хабар?

Добычу карманника Фагота я обнаружил быстро – лежала аккуратной кучкой на столе, прикрытая старым постером с фаготовским же изображением. Имел такую слабость усопший, любил мирскую славу...

Ключи на связке – два явно от машины, два от дверных врезных замков. Рядом, отдельно, ещё один – крохотный, странной формы – не пойми от чего. Носовой платок, бумажник. Авторучки – аж две. Отдельной стопочкой – документы. Многовато что-то корочек было у человека, неосторожно повернувшегося к Фаготу спиной...

Через несколько минут я просмотрел все. Джентльменский набор оказался любопытным. Паспорт и водительские права на имя Эдуарда Коминского подозрений не вызывали. Но удостоверения... Оказывается, обосновавшийся в ванной гражданин был слугой многих господ. Работал журналистом, состоял при этом членом Союза писателей, параллельно трудился в МЧС и в пожарной охране. Заодно курировал вопросы санитарно-гигиенического состояния торговых заведений. Силовые структуры сей многогранный товарищ тоже почтил присутствием – служил в налоговой полиции.

Все фамилии разные – а фотографии на каждом документе идентичны. Не просто снимки одного человека – но сделанные с одного и того же негатива. Единственное исключение – писательская ксива. Там фото вообще отсутствовало. Самонадеянные властители дум, видимо, счи-

тают, что вся обученная грамоте часть населения обязана знать их в лицо. Надо понимать, все эти корочки появились на свет одновременно. Какая же настоящая?

Версия: гость Фагота действительно служит фискалом. Мытарем. Налоговым, проще говоря, полицейским. И явился к звезде эстрады с парой нелепых вопросов по поводу декларации о доходах.

А жадин Фагот ему ножиком в спину тык – и в ванну. Да и то сказать, кто из людей искусства любит платить налоги? Но потом не вынесла душа артиста, вспомнила о ждущих пенсии старушках – и потянулась к вошебойному декокту. Отравился.

При таком чудненьком раскладе можно уйти, аккуратно притворив дверь. Вот вам Мозговед, господа сыскари. Вот вам очередная его жертва – с неисследованными пока мозгами. Ну и разбирайтесь, что тут между ними произошло.

Слишком это хорошо, чтобы быть правдой. Стоит глянуть истине в глаза: в фаготовой ванне лежит мент или фэ-эсбешник. И заглянул он к моему дружку отнюдь не обсудить последний альбом.

Версия серьёзная. Но тогда непонятно, почему по его следам не заявила целая орава людей в форме. Может, частный сыскарь из весьма крутой конторы? Волк-одиночка в свободном поиске? Логично. Отсутствие ментовской ксивы среди груды корочек – ещё одно тому подтверждение.

Я бегло просмотрел остальное наследство.

В бумажнике – деньги: рубли, доллары, евро. Общая сумма приличная. В средствах покойный стеснён не был. Ещё один плюс в пользу негосударственной структуры...

Так, а почему, собственно, две авторучки? Одна – паркер с золотым пером – вполне соответствует недешёвому костюму и добротному кожаному бумажнику. Вторая – не то гонконгская, не то тайваньская поделка в довольно дурном вкусе – с обвившейся вокруг верхней части змей... Больше ничего любопытного я не нашёл.

Гораздо интереснее список. И перечисленные в нем граждане. А особенно – Жозефина Генриховна Де Лануа.

Тут, словно эхо моим мыслям, это имя – Жозефина Генриховна – прозвучало вслух. Из-за окна. С улицы.

Глава седьмая

– Во-он ваши Московские ворота, – показала Анна. Вдали сквозь зелень бульвара желтели два небольших здания. – А вот в этом доме живу я... Так что мы пришли. Надеюсь, вы не думаете, что я до такой степени жадна до лимонада и мороженого, что согласилась променять на них бесценные четверть часа обеденного перерыва?

Лесник такого не думал. Он вообще об Анне надумал. Он её подозревал.

...Дом Анны был старинной постройки: два этажа, каменная кладка, барельефы над высокими окнами, стёршиеся мраморные ступени, порталы над парадными. Две пары беззубо скалящихся львов у подъездов. Балкон с густо увитой плющом балюстрадой, – чисто декоративный, не имеющий выхода ни из одной квартиры. К тому же – судя по виду – грозящий обвалиться в самый неподходящий момент. Если, конечно, для обрушения балконов бывают подходящие моменты.

– Красивое жилище, – похвалил Лесник. – И балкон романтичный. Но, боюсь, донна Анна, что серенады как жанр у вас опасны. Выйти на такой балкон ночью и без страховки...

– Ах, дон Тимео, серенады у нас исполняются лишь котами, до которых не добралась Лига бездомных животных со своими контрацептическими прожекторами... Увы, кризис жанра.

А ведь не такая она глупышка, как прикидывается, подумал Лесник.

Дом был обведён мелом. Белая черта огибала фасад и вдоль неё, словно собака по следу, брела роскошная пожилая дама, носом едва ли не царапая асфальт.

Собственно, роскошным в даме был только халат с драконами... нет, не халат, а самое настоящее кимоно, понял Лесник. Угольно-чёрные волосы (крашенные?) были собраны в плотный клубок на затылке, из которого торчали три деревянные шпильки с шариками на концах.

– Добрый день, Жозефина Генриховна, – окликнула даму Анна. – Что-то случилось?

– Круг замкнутый! – сообщила та, распрямившись и не здороваясь. – Я специально весь дом обошла.

Жозефина Генриховна?.. Вот оно что. Госпожа Де Лануа собственной персоной. Четвёртый фигурант списка. М-да... многовато неожиданных встреч для одного утра.

Дама казалась взволнованной, причём неподдельно.

– Главное, никто не видел, чья это работа...

Лицо, мимика, поза мадам Жозефины – все говорило, что дело крайне серьёзно.

Анна глянула на Лесника – игриво, словно приглашала поучаствовать в забаве, – и спросила:

– Как же мне в дом попасть? Через черту можно переступить или нет?

– При чем здесь ты, деточка! – раздражённо сказала Жозефина Генриховна. – Для тебя никакой опасности нет, как и для всех этих, – кивнула она в сторону дома.

– А для вас?

Мадам Де Лануа только рукой махнула. После чего выдернула нервным движением откуда-то из потаённых складок кимоно раздвоенную веточку.

Лесник счёл необходимым вмешаться.

– Извините, – сказал он. – Может, РЭУ начудило? Ленточек не нашли, чтобы оградить строение от посторонних. В каком состоянии ваш дом, не в аварийном? Балкон не падает? Канализация действует? Львы на запоздалых прохожих не бросаются?

– Не шутите так, молодой человек. Вы не понимаете, с какими силами мы имеем дело... Или понимаете?

Он недоуменно пожал плечами.

Анна хихикнула – Леснику показалось, что не совсем естественно. Мнительность...

Де Лануа потеряла к разговору интерес. «Молодые люди все шутят... – проворчала она, – хлебом не корми, пошутить дай...» Она тщательно уложила веточку между ладоней и пошла прочь – точно по меловой линии, выставив руки перед собой. Зажатый в ладонях прутик конвульсивно подрагивал.

– А стереть эту линию нельзя? – бросила Анна в удалявшуюся спину. – Взять и просто-напросто стереть мел?

Ответа не было.

– Кто это? – спросил Лесник.

– Соседка. Из первого подъезда. Известная ясновидящая, клиенты на мерсах приезжают, солидные люди... Натура у Жозефины Генриховны тонкая, неординарная – вот и всполошилась из-за пустяка. Всюду видит происки сверхъестественных сил. А черта... Это, скорее всего, шуточки Фагота, сатаниста недоразвитого... Вы не знаете, но у нас тут как раз живёт лидер группы «Фаги». Прозвище у него, оно же сценический псевдоним – Фагот. Мерзкая личность.

Однако... В отличие от прочего трёпа, – про Фагота Анна высказалась с истинным чувством. Стоит запомнить. А расспрашивать подробно о музыканте сейчас не стоит. И о ясновидящей не стоит. Лучше продолжить завязавшееся знакомство и послушать, что она расскажет сама. Людям свойственно говорить о живущих рядом знаменитостях... А тут целых две.

Журчащая речь Анны подтверждала мысли Лесника:

– Вот вы, Тимофей, упомянули серенады под окнами... Фагот студию себе домашнюю оборудовал. Такие серенады доносятся, что иные соседи убить его за это готовы. Та же мадам Жозефина... Ладно, хватит о скучном. Я вас случайно не задерживаю?

– Намёк понял.

– Никаких намёков. Вы торопитесь?

– Вообще-то да.

– «До свидания, товарищ лесник», – пропела Анна. – Эту фразу когда-то произнесла Красная Шапочка. Думаю, произнесла с грустью, как и я.

– Моя фамилия Лесник, – напомнил её собеседник.

Придётся продолжить знакомство, подумал Лесник. Заодно будет повод появиться здесь ещё раз-другой. Ясно, что мадам Де Лануа сейчас на контакт не пойдёт. И протестировать её в таком взвинченном настроении не удастся... Придётся отложить до лучших времён, хотя вариант сомнительный, как и с Фаготом, – настоящие враги так вызывая себе не ведут. Держатся в тени. Как, например, Анна.

Лесник достал тестер – девушка симпатичная, но служба есть служба.

– Жадная вы или нет – с меня лимонад и мороженое, – сказал он решительно. – Обещал. Вечером. Рефераты подождут, таких симпатичных девушек подождать не грех... Ваш телефон, пожалуйста.

Тестером была ручка. Он протянул девушке невинный с виду пишуший предмет, вырвал из блокнота листок.

– Прошу.

– Правое ухо у меня с утра чесалось – это всегда к чему-нибудь трогательному, завлекательному и благородному, – задумчиво сказала Анна. – Оказалось, что всего лишь к лимонаду и мороженому...

Опять цитата? – не понял Лесник. Знакомые вроде слова...

Анна написала семь цифр – без жеманных раздумий.

– Какой материал приятный... И змейка совсем как настоящая... Из чего это сделано? – спросила она, разглядывая ручку. Вещица и впрямь была необычная, рассчитанная именно на то, чтобы помедлили, рассматривая.

– Не знаю, – пожал Лесник плечами. – Пластмасса, наверное. Сувенир из Ирландии.

Название материала он и в самом деле не знал, а про Ирландию сказал шутки ради. Анна, впрочем, шутку не поняла...

...Отойдя подальше от дома, Лесник сильно надавил ногтем на левый глаз ирландской змейки. Тест-полоска выскочила с лёгким щелчком... Никаких изменений. Цвет остался прежним. Ручка работала по принципу глюкометра – но колоть пальцы ланцетами или скарификаторами не требовалось, материалом для тестирования служил пот.

Индикатор не изменил цвета... Это значило, в границах допустимой погрешности, что к самым опасным противникам Конторы Анна пока не принадлежала.

Но не проясняло ничего.

* * *

Я осторожно выглянул в узенькую щель между занавесками.

Трое. Мадам Лануа – легка на помине. Девушка, обратившаяся к ней по имени, лицо знакомое. Точно, соседка Фагота... Рядом – крепкий парень лет тридцати. Хахаль, надо думать. Потом гадалка отошла, а бессмысленный трёп парочки неожиданно резанул по нервам...

Убить Фагота?

Колдунья была готова убить Фагота?

Сказано шутливо, но в каждой шутке только доля шутки. Сам люблю пошутить и посмеяться...

Трёп завершился быстро, парень отвалил, девица зашла в дом... На прощание что-то написала на листке. Телефон? Значит, кавалер свежеснятый...

Вернись, дружески посоветовал я хахалю – естественно, не словами. Никогда не откладывай на завтра ту, которой можно вдуть сегодня. Вернись! И отдери мокрошелку во все дырки!! Это уже был приказ.

Парень его проигнорировал. Удалялся той же уверенной походкой, никаких колебаний, никаких видимых глаз у позывов вернуться.

Обычное явление. Лишь у половины клиентов уровень внушаемости позволяет зацепить их издали и не глядя в глаза...

Интересно, отчего наша доморощенная Ванга смотрит вслед уходящему хахалю так пристально и странно? Что-то почуяла? Куда уж ей... Да и вообще – что-то мадам сегодня лицом бледная... Что за паника, а? Не вызвана ли вся тревога недавним визитом некоего джентльмена, пребывавшего тогда ещё в целом виде? В неразделанном?

Девчонка, кстати, так и сыпет цитатами из пьес Шварца. Вот что значит дышать с утра до вечера библиотечной пылью. Хотя на некоторых кавалеров «трогательные, завлекательные и благородные» слова – чужие – наверняка действуют.

«Дело о мёртвом, музыканте» тем временем шло, шло, да и зашло в тупик. И если так сидеть, то скоро название изменится на «Дело о тухлом музыканте», хоть я и вывернул кондиционер на полную мощность.

Я достал мобильник, быстро набрал номер. «Фикус?.. Я, я, кто же ещё... Скликай своих парней, вечером будет работа... Сам знаю, что лето и жара. Ничего, найдёшь, не за так деньги получаешь... Через два часа перезвоню, чтобы все были на месте... Все, отбой».

Цеплять в разговоре Фикуса не требовалось – работал он на меня вполне осознанно. Но вот прочно позабыть о выполненном задании ему и его команде придётся. Незачем им помнить про меня такие вещи.

Фикус – тип гнусный, как и пятеро его подручных. Косят под блатарей, хоть зоны не нюхали. Перебиваются мелочами, к серьёзным делам таких никто не подпустит. Поганые людишки, но необходимые. Мне – необходимые.

Для успешного бизнеса...

Бизнес мой прост, законен и честен. Оптовая безналичная торговля. Клиенты переводят мне деньги – а потом чешут в затылках, не понимая, зачем купили товар в полтора раза дороже, чем могли бы... Но оплаченное получают. И налоги я плачу в срок и сполна – не придерёшься.

А как все начиналось... Стыдно вспоминать. Джентльмен в поисках десятки. Подходил к незнакомым богатеньким буратиным – например, к покидающим казино с довольным видом выигравшего человека – и просил ссудить тыщонку-другую баксов. Ссужали и забывали.

Теперь все иначе. Легальное дело, легальные доходы. Но и при таком бизнесе возникают проблемы. Самые разные. Порой неприятные.

Для их разрешения и служит Фикус со товарищи. Но сегодня им предстоит исполнить и забыть другую работу.

* * *

Машины Крокодила у Московских ворот уже не было – забрали эвакуаторы. Зато красная «мазда» Арика Хачатряна стояла на прежнем месте. Солнцепоклонник и кафевладелец пребывал в своей штаб-квартире.

Лесника смущала очевидность происходящего: бесследно исчез агент, отрабатывавший некий список подозреваемых, а его вскрытая машина стоит в семидесяти метрах от жилища фигуранта списка. (Жил Хачатрян, как выяснилось из редакционного файла, в том же доме, над собственным кафе. И, действительно, с молодой супругой; Хачатрян С.О. оказалась Сусанной Оганесовной.) Окажись этот немного смешной армянин матёрым врагом – а иному Крокодил не по зубам, – уж позаботился бы отогнать «ниву»... Весьма похоже на услужливо подкинутую ложную стрелку-указатель. Причём раздвоенную – до обиталища Де Лануа и Фагота-Иванова немногим дальше. Именно эти соображения удержали Лесника от немедленного визита к жрецу-бизнесмену. Но и затягивать не стоило – если автор обставы наблюдает со стороны, пусть видит – уловка сработала.

Да и обеденное время подошло. Бозбаш и толма, говорите...

Глава восьмая

Сомнений не осталось: меловая черта заряжена.

Во второй раз Жозефина Генриховна обошла дом, сменив ивовую веточку на две медные планки – и убедилась: энергетические вектора направлены внутрь. На того, кто живёт в доме. На неё...

Заряд слабенький, почти незаметный, и не подкреплён начертанными охранными заклинаниями. Любой человек перешагнёт и не заметит. Но у автора линии, наблюдающего изда- лека, пусть и не глазами, сразу раздастся тревожный сигнал – объект покинул логово.

Что объектом была именно она, Де Лануа не сомневалась.

Ну не этот же дурачок Марат под прицелом, на самом деле. Никто не станет возиться с шутком, изображающим из себя адепта тёмных сил. А если кто проведал о другой ипостаси популярного музыканта – тоже незачем прибегать к оккультным способам. Достаточно позво- нить куда следует и намекнуть, что Фагот – не единственный псевдоним музыканта. Есть и второй, известный не только по богемно-музыкальной хронике. Но и по криминальной.

Нет, замкнутая линия – очередной ход в непонятной пока игре, затеянной неизвестно кем против Жозефины.

Занимаясь оккультизмом, наживаешь много врагов. Помогая одним, обязательно вре- дишь другим, – и чем сильнее заказчики, тем сильнее их враги. А известных и влиятельных клиентов Де Лануа приобрела в последние годы достаточно – и не просто приезжавших пога- дать, следуя модным веяниям, – но хорошо знавших, на что способна ведунья. Убедившихся в стопроцентной точности её предсказаний будущего и объяснений тайн настоящего. Хотя и мелочёвкой Жозефина не брезговала. Курочка по зёрнышку клюёт, к тому же лучшая реклама – рассказы потрясённых клиентов; псевдо-магам, прославляющим себя в газетах, у людей веры мало...

Крупных дел, способных вызвать месть обиженных (и не менее сильных, чем заказчики) людей, хватало. В любой из этих историй вполне мог всплыть и источник убойного компро- мата... Понять бы ещё, в какой именно...

Подковерная схватка нефтяных гигантов за сеть заправок на только-только начавшей строиться кольцевой дороге? Или тёмная история с банком, непонятным и неожиданным обра- зом сменившим владельцев – там в конце была кровь и трупы в изрешечённом мерседесе, – чем не повод для мести? А может, чем черт не шутит, все связано с бывшей любовницей вице- губернатора? Говорят, что дамочка потеряла весьма многое, расставшись с сановным кавале- ром, – и грозилась лично расправиться с настучавшими о её побочных увлечениях, даже справ- кой о неувядаемости запаслась для такого случая...

Вариантов достаточно. Нельзя также исключить, что кто-то из клиентов решил убрать колдунью, слишком много узнавшую... Но вопрос, собственно, в другом. Упомянутые господа обычно сводят счёты более приземлёнными способами.

Однако сейчас наняли коллегу Жозефины по ремеслу.

Кого?

Все эти патентованные шарлатаны, белые колдуны и светлые маги, заполонившие своей рекламой газеты, – ни на что серьёзное не годятся. Плюнуть и растереть.

А Жозефина Генриховна Де Лануа была настоящей ведьмой. Более того – потомственной.

Так кто же посмел бросить ей вызов на поле, которое она привыкла считать безраздельно своим?

Сегодня ведунье показалось, что она узнала ответ. Вернее, лишь намёк на него...

Арик Хачатрян вышел в небольшой уютный зал кафе «Гаяне», уселся за столик. Первая половина дня, заполненная всевозможными хлопотами, закончилась – можно посидеть, спокойно попить кофе, расслабиться... Заодно и поглядеть хозяйским глазом за подчинёнными.

Кроме кафе, Хачатрян владел другими торговыми точками, разбросанными по Царскому Селу, и держал, больше для удовольствия, чем для дохода, прилавков на рынке, в травяном ряду. Базилик, тархун, виноградные листья... Уникальный для этих широт товар, пропитанный горным воздухом и южным солнцем, пользовался спросом у ценителей истинной кавказской кухни.

Арик сразу узнал посетителя, отошедшего от стойки с кофейной чашкой в руках и севшего за соседний столик.

– Вай, дорогой, хорошо, что пришёл! Подумал – и решил машину продать, да? Подсаживайся, кофе попьем, о цене поговорим, то, сё...

Гость не стал капризничать – легко пересел со стула на стул. Но заговорил вовсе не о машине и её цене. Поднёс чашку к губам, вдохнул аромат – и поставил на стол, не отпив. Сказал:

– Лучший кофе я пил когда-то в Новом Афоне. Там, помнится, хозяйничал один армянин, этим кофейня и была известна. Не кофе, а эталон. Произведение искусства... Такого теперь не найти, а того – не вернёшь.

Арик прекрасно понял, о чем речь, и возразил, задетый за живое:

– Какая, допустим, цена, такой и вкус... И наоборот.

– Я понимаю, понимаю... – незнакомец скорбно покивал. – Искусство и коммерция две вещи несовместные.

Этого хозяин уже не выдержал.

– Сусанна! – на все кафе гаркнул Хачатрян. Из внутреннего помещения вышла молодая женщина – та самая беременная красавица.

– Сделай, как положено! И сама!!! – в голосе толстяка звучал металл, рука указывала на кофейную чашку. Сусанна исчезла. Арик добавил, обращаясь уже к гостю:

– Жена моя. Сейчас все сделает... Для клиентов – один кофе, для друзей – другой. Настоящих знатоков здесь, допустим, не так уж много. И все – мои друзья. Я – Арарат. Ты зови меня Арик.

Хозяин привстал и протянул руку, высоко задрав пухлый локоть. Торжественное рукопожатие состоялось. Гость спросил:

– Арарат – в честь горы?

– В честь деда.

– А я – Саша. В честь Пушкина.

– Вай, – сказал Арик. – Попробуй лучше вот это... извиняюсь, Саша-джан, сразу не предложил...

Не только кофе пил Хачатрян в редкие минуты отдыха: перед ним стояла бутылка без этикетки, из которой он подливал себе в крохотную рюмочку.

– «Эривань», пятьдесят лет выдержки, и не с завода, из частных подвалов... – отрекомендовал он с гордостью. – Ещё Сталин был жив, когда виноград этот зрел, да? Попробуй, не пожалеешь...

Лесник отлично знал, с чего начать разговор. Если с англичанами говорят о погоде, с немцами – о соседях, то с армянами, разумеется, о кофе.

Толстяка уже было не остановить, речь его журчала весенним ручейком. Арик говорил, что лучший кофе отнюдь не в Новом Афоне, а в Ереване, на Ваграма Папазяна, и содержит ту кофейню его родной брат, и готовится тот напиток богов в просеянном морском песке, на родниковой водичке, и...

Лесник изучал его – очень внимательно.

Арапат Суменович Хачатрян, бизнесмен-солнцеклонник, был в Царском Селе личностью известной. Можно сказать, одиозной. По крайней мере, в «Листке» неоднократно писали о нем и его идее-фикс: основать в Царском Селе храм бога солнца Ара-Мазды.

Публикации были в основном скандального характера.

Однажды Арик-джан заявился на приём к заместителю главы администрации с предложением отдать под пресловутый храм один из пустующих и разваливающихся павильонов Александровского дворца. Да ещё наивно пытался при этом вручить чиновнику (при свидетелях!) охапку бутылок с коньяком «Эривань»...

В другой раз поводом для бурной газетной дискуссии послужило праздничное публичное богослужение, совершённое Арапатом для всех своих царскосельских единоверцев (набралось таких аж семнадцать человек!). Особую тревогу журналистов и общественности вызвала судьба чёрного петуха, погибшего под жертвенным ножом на этой церемонии. За петуха вступились не только защитники животных, но и православная церковь, намекая на дьяволопо-клонство наплодившихся сект. Арапат Суменович отбивался на газетных страницах, доказывая, что привезённому из Армении петуху так или иначе суждено было погибнуть, и какая разница, на сковородке или жертвенном камне, а культ Ара-Мазды на десяток веков старше христианского, и неизвестно ещё, кто тут наплодился...

Были и серьёзные скандалы.

Умудрившись официально зарегистрировать местный филиал секты как общественную организацию, Арапат получил гранты от германского Института Вагнера и международной Ассоциации свободных религий. Деньги солнцеклоннику перевели небольшие – но эмиссары упомянутых организаций весьма удивились, обнаружив вместо обещанного действующего храма – недостроенную пекарню, где предприимчивый жрец собирался выпекать лаваш (вай, пальчики оближешь! настоящий армянский, никто тут его готовить не умеет, только у меня попробуешь!).

Короче говоря, Хачатрян сделал из своей религии источник скандальной рекламы и даже беспроцентного кредитования для собственного бизнеса. Если и остальные персонажи списка Синявской схожи с Арик-джаном – понятно, почему Крокодил не спешил их отрабатывать...

Но тест провести необходимо. Разные бывают маски, и разных встречал Лесник тенятников. И есть ещё небольшая странность: зачем Хачатряну «нива»? Неужели не хватает на импортный внедорожник? Хотя, судя по обшарпанной «мазде», дела у жреца не блестящи. Не иначе как заграничные благотворители отсудили назад свои денежки...

Коньяк оказался великолепным, по крайней мере на вкус Лесника.

И удовольствие от поглощения напитка стимулировало не только его полувековой возраст, но и тот факт, что Лесник следил за руками нового знакомого – подсыпать что-либо в рюмку пьющий из той же бутылки Арапат не пытался...

Подошла Сусанна с двумя чашечками кофе на подносе. Лесник выбрал одну, внимательно посмотрев на Хачатряна – тот без сомнений и колебаний взял другую... Версию о том, что посетителей здесь травят и зарывают на заднем дворе, стоило отбросить.

(Окажись Арик-джан искомым врагом, мог бы отравить гостя легко и просто – выпив яд вместе с ним. Мог, если бы знал, что дозы ядов, смертельные для людей, тенятникам не опасны. Но вероятность подобной информированности была ничтожна, никто не станет проверять свою устойчивость к отраве приёмом внутрь мышьяка или цианида. Такие способности организма выясняются редко и случайно – как в случае с Распутиным. Лесник рисковал оправданно...) Сусанна удалилась, вновь оставив мужчин одних. На неё Лесник почти не обратил внимания. Встречаются среди тенятников женщины – но только не беременные. Репродуктивная функция тенятниц нарушается, и Т-ген передаётся лишь по мужской линии. Единственным известным исключением стала знаменитая княгиня Ольга, но это дело давнее и тёмное...

Под кофе мужской разговор потёк легко и свободно. От России естественным образом перешли к Армении, от кофе – к достопримечательностям. Поговорили о том, что древние города Армении, как и Царское Село, имеют особую притягательную силу: восхищаясь строениями талантливых мастеров, невольно вспоминаешь борьбу гордого и независимого армянского народа за свою свободу... Заявление собеседника, что продавать «ниву» он так и не надумал, хозяина не слишком расстроило.

Потом закурили – Арик «Данхилл» из пачки Лесника, Лесник – «Ахтамар» из массивного серебряного портсигара Арика (на крышке – всевидящий глаз Ара-Мазды).

Наконец распрощались – солнцепоклонник проводил гостя до дверей, прощально колыхая животом. Лесник ушёл.

Исчезновения из пепельницы окурка от выкуренной им сигареты «Данхилл» Арик Хачатрян не заметил...

Анализ трофея Лесник провёл чуть позже, вернувшись к сельхозакадемии, – необходимые принадлежности остались в «ниве».

СР-тест по слюне был несколько сложнее, чем по каплям пота – пришлось выдержать окурочек «Данхилла» (заранее обработанного реагентом) в специальном растворе в течение двух минут, потом добавить калибратор – и лишь затем опустить в пробирку тест-полоску...

Полоска цвет не изменила. Стало ясно, что сведения, собранные журналисткой о местном ревнителе бога Ара-Мазды, вряд ли когда-нибудь ещё понадобятся.

Хачатрян был ловким дельцом невеликого полёта; возможно – ни во что не верящим жуликом, спекулирующим на вспыхнувшем интересе к позабытым религиям; возможно – кем-то ещё...

Но не теньником.

Обидно, подумал Лесник, закрывая кейс с экспресс-лабораторией. После выкуренной сигареты обоняние несколько часов будет приходить в норму – а сейчас ничем не отличается от среднестатистического... И все зря.

Жозефина Генриховна остановилась, не дойдя до подъезда.

– Ты со своей кройкой и шитьём все делаешь с изнанки! – проорал мужской голос из раскрытого окна первого этажа. Тут же откликнулся женский, не менее громкий:

– Сам же говорил: неважно, все равно часть уйдёт в отходы, на выброс!

– Ну не целиком же! Не весь же кусок!

Скандал в интернациональной семье Хамзаевых набирал силу. Они вообще в последнее время скандалили часто. И шумно.

Жозефина Генриховна не любила громких и немелодичных звуков – но сейчас остановилась и стала вслушиваться, иногда удовлетворённо кивая головой. На какое-то время она позабыла обо всех своих проблемах.

Хамзаевы не разочаровали.

– А ты зарабатывай так, чтоб не самим кроить! Наняли – и готово!

– Да ты готова деньги вместо папилюток накручивать!

Замечательно. Но стоило узнать положение на семейном фронте более подробно...

Двое детей сидели на корточках возле качелей и бросали на окно угрюмые взгляды. Они молча перебирали яркие наклейки из коробки; пухлая тетрадь, разрисованная фломастерами, лежала рядом. Лариса и Темир, дети Хамзаевых.

– Картинки лучше не в тетрадки наклеивать, а на отдельные карточки, – дружески посоветовала Жозефина Генриховна. – Так настоящая коллекция получится, да и меняться проще.

– Спасибо, – сказала Лариса.

– Это наше дело, – сказал Темир.

– Папе с мамой, я смотрю, нынче не до вас, – забросила удочку колдунья.

– А это их дело! – сказал мальчик и повернулся спиной к Де Лануа.

– Они линолеум не так разрезали, – объяснила Лариса.

За вежливостью девчонки таился испуг, она боялась именно Жозефину Генриховну. Колдунья хорошо ощутила детский страх, и это было приятное ощущение.

– Так что линолеум?

– Хотели, чтоб пол в прихожей был без швов. В прихожей надо налево повернуть, а у них получилось направо. Потому что кроили с изнаночной стороны, как у мамы на курсах.

– Ну, деточка, так это же анекдот. Я бы на вашем месте смеялась, а не куксилась.

– Вот и смейтесь! – крикнул мальчик, разворачиваясь к Де Лануа.

Он тоже боялся – по-своему.

– И вообще! – грохнуло из окна. – Мужик-то есть в доме? Да без меня ты бы забывал мать с днём рождения поздравить!

– Не трогай маму! Если б не она, мы бы...

Скандал развивался по стандартному сценарию.

– Все у вас наладится, вот увидите, – пообещала Де Лануа детям.

Наладится, но не сразу, подумала она про себя. Ещё пару раз аккуратно поработать с Ильясом – и этот глупый джигит уйдёт из дома, хлопнув дверью, и через день сам не поймёт, зачем он это сделал – но гордость не позволит вернуться. А дура-Настя тоже не будет понимать, что такое стряслось в их семье, прожившей двенадцать лет тихо и мирно. И приползёт к Жозефине, размазывая слезы и сопли, обещая все, что угодно, лишь бы помогла, лишь бы вернула мужа.

Она поможет, она вернёт... И всем станет хорошо. У детей будет отец, у жены муж, а у Жозефины Генриховны – семейные драгоценности кубачинской работы, подаренные этой клуше Насте свекровью-аваркой, не имевшей дочерей...

Де Лануа любила старинные красивые вещи. Она ещё раз улыбнулась детям и вошла в свой подъезд. Темир смотрел ей в спину волчонком.

Глава девятая

Два часа, отпущенные Фикусу на поиски и сбор команды, я использовал с толком.

Для начала установил, что из всех присутствующих в квартире Фагота являюсь самым большим идиотом. Классическим. Клиническим. Ладно хоть нерасчлененным...

Ручка!

Новый хахаль соседки Фагота протянул ей ручку – записать телефон. И была эта ручка точь-в-точь как у загадочного профессора Доуэля... Бля-а-а-а... И я его отпустил. Вместо того, чтобы выйти из квартиры и ненавязчиво расспросить: а кто он, собственно, такой? Ответил бы, никуда бы не делся. Когда я расспрашиваю, люди отвечают. Честно и правдиво.

А теперь только и остаётся, что строить импотентные дедукции...

В тоске и душевном расстройстве я рухнул на фаготовский диван. Нашупал рядом пульт управления, машинально надавил кнопку.

И тоску как рукой сняло.

На экране видеодвойки предстал Фагот в рабочей обстановке. Нет, не за музыкальным компьютером...

Я все понимаю.

И позитивную роль подобных записей – в том числе. Эта видеокустарщина, что ни говори, на рост поголовья молоденьких девушек влияет положительно. Посмотрит такой вот Фагот такую вот плёночку – глядишь, и не отправится на очередную ночную охоту...

Я все понимаю. Но смотреть подобные вещи могу с трудом.

Девчонке было лет пятнадцать... И никогда уже не станет шестнадцать. После знакомства с ножом Фагота уже не станет. Нож, кстати, интересный... Хищный профиль, круглая цельнометаллическая рукоять с мелкой насечкой. Донельзя похож на «алжирца» – излюбленное холодное оружие французских парашютистов... Что-то Фагот не хвастался мне такой штучкой.

Но самое главное было не в этом. Не в ноже. И не в девчонке – хотя умирала она медленно и мучительно...

Точка съёмки.

Старина Фагот обходился без помощника-оператора. Снимал неподвижной, зафиксированной камерой... Что это значит, я понял, когда действие ублюдочного фильма переместилось в ванную. И тут все кончилось.

Провал.

Темнота.

Ничто.

Потом окружающее стало медленно появляться. Сначала ладони. Мои, окровавленные... Сломанные ногти... Больно... Рядом, в кафельной стене ванной, – глубокая воронка не меньше полуметра в диаметре. Скомканный металлический цилиндр... Видеокамера.

С-с-сука!!!

Я метнулся в гостиную. Удар ногой, второй, третий...

Спокойно. Без лишних эмоций. Все под контролем. Под моим контролем... А эта гнида, что вздумала взять под контроль меня... На Страшный Суд Фагот поползёт с переломанными рёбрами. И с несколько асимметричной ухмылкой – челюсть сломана в двух местах, как минимум. Ну и черт с ней, зачем мёртвым челюсти? Мёртвые, как известно, не кусаются.

Но какая все-таки сука...

Год назад? Или раньше?

Весна... Точно, прошлая весна – капель, сосульки, возбуждённое и дебиловато-радостное чириканье воробьёв... Я заскочил к Фаготу – тоже возбуждённый. Бывает весной со мной такое... Заскочил за дозой.

Он: давай, мол, сам... Никак, мол, не могу, опаздываю на запись. Все в ванной, справишься уж как-нибудь.

Сволочь. Подловил. Сделал, как котёнка.

Подставил ровнёхонько под объектив. А я... Я человек не брезгливый. Взял нож, пилу и...

Маленький вопрос: где гадёныш держит запись?

...Около часа я рылся в его видеотеке, просматривая кассеты в ускоренном режиме. Ничего. Боевички и концерты маэстро. Значит? Должно быть некое хранилище записей особых.

Я переверну фаготовскую квартиру – точнее, обе смежных квартиры. Я выпотрошу – в прямом смысле – всех его многочисленных знакомых. И найду кассету.

А заодно – разберусь с мадам Жозефиной. И с хахалем этой придурочной соседки... И, чтоб дважды не ходить – с самой соседкой. «До свидания, товарищ лесник...» Дебилка, одно слово.

Стоп, стоп... Точно. Анна. Её зовут Анна. И придурок Фагот пытался бить к ней клинья... У него-то мы с ней и повстречались. Причём именно в тот вечер... Ерунда. Не может быть. Но если действительно...

Черт возьми... Тогда стоит жениться на малышке – наследственность у детишек будет интересная. А ведь согласится, куда денется. Ладно, поживём – увидим. Может, и женюсь... Если не убью раньше.

Не нравится мне её «товарищ лесник». Совсем не нравится. Явно из той же подозрительной компании, что и расчленённый Доуэль. И не стоит гадать, чем они тут занимаются. Известно, чем...

* * *

– Клиенты не звонили, – сообщил Игнат, не дожидаясь вопроса.

– Вода нагрета? – справилась Жозефина Генриховна.

Игнат кивнул.

Горячую воду отключили надолго, а мылась колдунья по несколько раз на дню.

Внутрь квартиры Жозефина Генриховна не пошла, сразу из прихожей – в ванную комнату. Осквернённое тело требовало чистоты. Такой же, какая царила в доме. Воздух улицы омерзительно грязен, и совершать омовение требовалось после каждого выхода в мир... Сбросив одежду, Де Лануа залезла в ванную, села на низенькую скамеечку и позвала:

– Иди, полей!

Игнат вошёл, глядя в пол...

...Вернее, чем Игнат, человека у Жозефины Генриховны не было за всю её долгую жизнь. Тупее, впрочем, тоже. Отданный колдунье в услужение собственной матерью – в качестве платы за чудесное излечение младшенького, – он стал незаменим. Здоровый как бык деревенский парень не только охранял Де Лануа – выполнял все, что бы ему ни приказали. Друзей и знакомых в городе у него не было, жены и детей тоже, родная деревня осталась полузабытым воспоминанием... Весь круг общения, да и вообще весь мир Игната состоял из Жозефины Генриховны. Преданный хозяйке как пёс, он годился для самых деликатных поручений. Относительно, конечно, годился – если растолковать все до мельчайших подробностей. Два года службы в десанте научили парня многому, но инициативы и сообразительности не прибавили...

Мысленно Де Лануа называла его слугой, но сама понимала, что это не совсем верно. Игнат был чем-то средним между рабом и домашним животным. Жозефина даже по-своему любила его – как любят верную собаку.

– Тут, это... о том пиджачке... ну, что третьего-то дня... – сказал Игнат, когда его хозяйка, вымытая и облачённая в новое кимоно, расчёсывала волосы у зеркала.

Жозефина Генриховна ненавидела армейский жаргон почти так же, как деревенский. Но не стала поправлять слугу, вопреки обыкновению. Жадно спросила:

– И что?

– Видали с Анчуткой-то... ну, его... у этой... ну, где... где она, значит...

– У библиотеки?

– Ну дак... в кафешке тоже... Пспрошать у её?

– Девчонку не трожь, – отозвалась Жозефина Генриховна резко. – Знаю, как ты спрашиваешь. Сама разберусь.

С Анной, подумала она... Лже-архитектор знаком с паршивкой...

– Тут новый тип возле нашей барышни объявился, с ним бы разобраться, – продолжила колдунья. – Видел?

Игнат кивнул.

– Кого-нибудь ещё заметил?

– Кого?

– Кого-нибудь постороннего. За мной следили на улице, взгляд чужой чувствовала, недобрый... А кто, откуда – не поняла.

– Виноват, не углядел...

– Ладно, поставь размораживаться материал и ступай. Будешь нужен – позову.

Она собрала волосы в узел на затылке, заколола длинными деревянными шпильками и пошла в свой кабинет.

Паркет в комнатах до блеска натёрт мастикой. Сделанные на заказ портьеры на окнах, обитая шёлком мебель... Стены обшиты деревянными панелями, затянуты драпировочной тканью – обоев Де Лануа не признавала. Антикварные безделушки, собранные с любовью за долгие годы.

Золтан восторженно, когда Жозефина Генриховна появилась в кабинете. Открыв один глаз, посмотрел на хозяйку и сказал:

– Nouvelles de fr-r-raiche date... mer-r-rdeuse!²

Как истинный аристократ, он выражался исключительно по-французски.

Де Лануа машинально согнала птицу с кресла. Ворон обиженно захлопал крыльями, но погруженная в свои мысли колдунья не обратила на него внимания.

Отца Жозефины Генриховны не было в живых очень давно.

Но годы не стёрли её детских воспоминаний об осторожности отца, которую она считала мнительностью. Де Лануа-старший мог прервать выступление, увидев в зале человека, который ему чем-то не нравился – и не выйти в этот вечер на арену. Мог из-за какой-нибудь случайности или совпадения бросить запланированные гастролы и исчезнуть – на месяц, на два, на три... И появиться вновь в любой из сопредельных стран, примкнув к новой труппе – известный маг и чародей всегда обеспечивал полные сборы...

Лемберг.

Да, это было в Лемберге, за полгода до смерти отца...

Жози семь лет, и она уже научилась видеть не глазами, хотя зачастую не понимает, как истолковать увиденное... Жаркий летний день, до выступления несколько часов, окна гостиницы Рогальского широко распахнуты, они с отцом наблюдают за неспешно фланирующими прохожими, и он показывает и объясняет Жози – кто из гуляющих чем болен и когда, скорее всего, умрёт; потом пальцы отца жёстко, до синяков стискивают плечо дочери, и оттаскивают от окна, и срывающийся шёпот ввинчивается в ухо: беги! где и когда увидишь такого – беги!

² Дерьмовые новости (фр.)

бросай все и беги! Жози осторожно смотрит сбоку, из-за гардины: невысокий, худощавый господин, молодой, в приличном костюме, трость, котелок... Она закрывает глаза и не понимает ничего – внутренней сущности человека нет, спрятана, закрыта непонятной серой завесой, и чувствуется из-под неё лишь опасность, и сила, и ищущий, рыскающий по сторонам взгляд – взгляд не глазами...

Выступление мага и престижителя Де Лануа в тот вечер не состоялось.

Жозефина Генриховна выполнила родительский завет лишь отчасти.

Два или три раза в жизни ей встречались люди, похожие на того, так напугавшего отца в Лемберге. Встречались случайно, в толпе... Она не бежала, бросив все, – тихо и незаметно отходила подальше. И никаких последствий от этих встреч не было.

Но позавчера...

Позавчера Де Лануа интереса ради решила посмотреть на импозантного мужчину лет сорока, пришедшего к ней... (Ухоженное, потрясающе сохранное для её лет тело Жозефины все ещё заставляло интересоваться мужчинами не только как денежными клиентами...) Да это был и не клиент – сотрудник городской администрации, озаботившейся вдруг сохранностью старого фонда. После она позвонила нужным людям, связей у Де Лануа хватало, – человек с указанной в удостоверении фамилией никогда не числился в штате ни архитектурно-планировочного, ни какого иного управления...

Но главное было не в этом.

По внутренней своей сущности лже-архитектор был точной копией человека из Лемберга – серая преграда, маскирующая и защищающая одновременно, – и ощущение угрожающей силы, из-за этой преграды исходящее...

Посланный проследить Игнат вернулся ни с чем – странный гость оторвался от него быстро и умело. Жозефина задействовала все связи – не миллионный город, в конце концов, – как-то и где-то должен был этот видный блондин засветиться.

Следующий сутки прошли без происшествий, и Жозефина Генриховна немного расслабилась, и успокаивала себя: мол, всякие бывают природные феномены, кто-то гвозди зубами перекусывает, кто-то шестизначные цифры быстрее ЭВМ перемножает... Может, и странный гость безобидный уникум, исключение из правил? С другой стороны, под личиной архитектора вполне мог прийти на разведку вор-домушник, прослышав, что Де Лануа весьма состоятельная дама. Пришёл – и убрался восвояси, оценив охранные системы квартиры и физические кондиции Игната... Спала колдунья почти спокойно.

Ночью вокруг дома появилась заряженная черта.

А днём – новый кавалер Анки. Внешне не похож, а внутренне – брат-близнец самозванного архитектора. За ним Игната ведунья не послала, говоря себе, что и этот оторвётся от слежки так же легко... На деле, не желая в том признаться, она боялась остаться без охраны... И решила даже во двор собственного дома не выходить в одиночестве. Бережёного... в общем, кто-то да бережёт.

И вот вам ещё новость – позавчерашний лже-архитектор тоже крутился возле Анны. Девчонка тут не при чем, – ясно, к кому ищут подходы пришельцы...

Жозефина не собиралась покидать уютное, обжитое гнездо и куда-то бежать из-за стародавней отцовской мании преследования. Но решила выяснить всё, что происходит вокруг неё, и в первую очередь – кто эти «серые», липнущие к девчонке, как мухи к меду. Пустить в ход своё главное оружие ведуньи, никогда не подводившее, – старинное, наследственное, применяемое лишь в особых случаях гадание...

Дело было за малым. Для гадания не хватало материала.

Пригодность размороженного оставалась под большим сомнением. Но попробовать стоит.

Нож вспорол кишку.

Вдоль, сильным и выверенным до миллиметров движением. На отполированную каменную поверхность вывалилась бурая жижа – и растеклась бесформенными пятнами.

– Спрашивай, – коротко скомандовала Де Лануа.

Огромная ширма из китайского шелка, обычно отделяющая колдунью от клиентов, сейчас стояла в углу – сложенная. Кадильница не курилась, не забивала своим резким ароматом запах требухи. Потому что на месте вопрошающего сидел Игнат.

Гадание по внутренностям – способ, проверенный веками и тысячелетиями. Ещё древнеримские жрецы-гарус-пики, всматриваясь в требуху жертвенных животных и птиц, уверенно предрекали консулам и диктаторам грядущие победы и обтекаемыми словами предупреждали о поражениях.

Но проблема Жозефины Генриховны состояла в том, что никакой прорицатель, никакая вещунья не может ничего предсказать себе – такова, если угодно, плата за дар. Попробовать, конечно, можно, но истолкование увиденного никогда не даёт ясной картины.

Выход один – попытаться провидеть будущее или настоящее для кого-то, кто постоянно рядом, кто крепко привязан к тебе – социально, психологически и энергетически. Кроме Игната и Золтана, таковых у колдунии не было. Ворон отпадал по техническим причинам – французским языком Де Лануа не владела, несмотря на звучную фамилию...

Игнат начал спрашивать, и Жозефина поморщилась. Стоило написать ему вопросы на бумажке, но тогда будет не то – все равно что вопрошаешь саму себя. Что её интересует, колдунья сообщила Игнату лишь в общих чертах.

– Ну, это... – мямлил Игнат, – что за шпак... ну, в общем... надесь-то, с Анчуткой... во дворе...

Надесь... Колдунья отрешилась от всего – исчезла комната, исчез Игнат. Исчез Золтан, с любопытством наблюдавший за процессом. Она всматривалась в бесформенные, зловонные пятна, пыталась увидеть «серого»... Ничего.

С тем же успехом можно паять в кляксы Роршаха.

Она попробовала ещё раз, выбрав из кучи лежавшего на столе материала кишку, на вид сохранившуюся лучше других...

Тот же результат.

Никакой.

Мерзкий запах терзал ноздри. Надо было все же зажечь курительницу, запоздало подумала колдунья.

...Владеющий научными терминами человек сказал бы, что все признаки: изменившийся, мутно-зелёный цвет брызжейки; гнилостный запах перитонияльной жидкости; вздутие и белесые пузырьки по всей длине кишечника, – короче, всё свидетельствует, что небольшие отрицательные температуры лишь замедляют процесс гниения, не останавливая его совсем... И зашёл этот процесс далеко. Тем более, что за минувший месяц дважды отключалось электричество и размораживался холодильник.

Де Лануа подумала проще: материал протух.

Рука в резиновой перчатке смахнула зловонную грудку в чан. Колдунья потянулась за печенью, внешний вид которой внушал больше надежд.

– Спрашивай о будущем!

По кишечнику узнают тайное настоящее, по сердцу и печени – будущее. Жозефина Генриховна взяла другой нож. Этот оказался подлиннее и пошире, но, как и первый, целиком – и ручка, и лезвие, – был из камня. Де Лануа уверенным движением располовинила печень. Игнат забормотал:

– Ну... дак... как, его, шпака... ну, в общем... как я его мочкану-то?

Колдунья злобно фыркнула, всматриваясь в срез. Звук относился и к идиотскому вопросу Игната, и к состоянию материала.

Через минуту остатки печени шлёпнулись в чан с отходами.
Все бесполезно...

Гаруспикам было легче. Послали за новым жертвенным бараном – и все дела. Жозефине Генриховне не помог бы даже визит на рынок, где в мясном ряду продавались свиные потроха – хотя подозрительные клиенты, заглядывавшие порой за ширму, были уверены: Де Лануа гадает именно по свиной требухе. Но на самом деле для стопроцентной точности старого фамильного прорицания требовались внутренности абсолютно свежие, идеальный вариант – тёплые, только что вынутые...

Человеческие.

– Прибери, – коротко бросила колдунья.

Игнат кивнул. Дело привычное. Удалять с алтаря все следы и приводить комнату в порядок после сеанса – было его обязанностью. Жижа, случайно брызнувшая на пол, покрытый керамической плиткой, обильно смывалось дезраствором – вдоль стены тянулся желобок водостока, по которому все уходило в канализацию. Потом вновь расстился старинный ковёр, освежители воздуха заглушали запах требухи и кадилъницы – и комната принимала обычный вид.

Де Лануа вышла, на ходу сдирая перчатки – тонкая резина рвалась. Ворон цокал коготками следом, внутри квартиры он редко пользовался крыльями.

Она опять сидела в своём кабинете, в кресле, – вернувшись в ту же точку в прямом и переносном смысле.

Резерв из морозилки протух, гадание не дало результата. Свежий материал, полученный неделю назад, полностью использован ранее. Нужен новый. Поставщиком редкого товара для ведуньи был Марат. Она вычислила его давно, и припёрла к стене железными доказательствами, и предупредила, что её смерть станет его концом. Концом быстрым и кошмарным, пусть не надеется на мораторий смертной казни – никакой психушки, никакого пожизненного. Улики получит не милиция – но родители и кавалеры девушек, пропавших и найденных по частям. На этом музыкант сломался... Впрочем, Жозефина Генриховна не беспредельничала, не гоняла Марата по любой мелочной надобности на охоту, и щедро платила за поставляемый товар.

Новая партия была обещана – и не отдана. Сегодня, когда нужда заставила, Де Лануа решила поторопить поставщика... Марат на звонки в дверь не открывал, телефон был постоянно занят. Запил, загулял, неожиданно сорвался с места? Бывало с ним такое и раньше, но сегодня все казалось ведунье странным и тревожащим.

Она не привыкла поддаваться обстоятельствам, она найдёт управу на «серых» кавалеров Анны... Для начала – осторожно расспросит девчонку.

Звонок в дверь заставил Де Лануа вскочить с кресла, хотя обычно посетителей встречал Игнат, а колдунья при этом не покидала кабинета.

Золтан, напуганный её резким движением, захлопал крыльями. И каркнул в удаляющуюся спину хозяйки: – *Gr-riselle en gr-risaille...*³

³ Игра слов на французском. *Griselle* – шлюшка (арго), *en grisaille* – в сером, изображённая в серых тонах.

Глава десятая

Жилище погасшей рок-звезды напоминало теперь офис какой-нибудь подпольной фирмочки после весёлого визита налоговой полиции – передвигаться приходилось с трудом, лавируя между разбросанными по полу вещами.

Тайник с кассетами не обнаружился.

И это очень печально, думал я, сидя на широком столе маэстро и перебрасывая с ладони на ладонь светловолосую голову Доуэля. От неё уже изрядно пованивало.

Потом я аккуратно поставил голову рядом с письменным прибором, на манер папьемаше, – и ещё раз просмотрел вещи её покойного владельца. Повертел в руках загадочный ключик. Оч-чень интересный, однако... В форме трезубца – на крайних зубцах бородки хитрой формы, а средний – пластинка из ферромагнетика. И если на ней не записан некий код, то я ничего не понимаю ключах и скважинах.

В любом детективе этот ключ сыграл бы ключевую роль (каламбур!). Оказался бы от сейфа с чем-то весьма ценным, или от камеры хранения с чем-то весьма секретным, или...

Стоп. А с чего я взял, что это ключик Доуэля? Только потому, что лежал рядом с его многочисленными документами? Ведь если это собственность Фагота, то возможен интересный расклад.

Сейфы сейчас делают самые разные, порой весьма портативные. Можно смело отдать такой несгораемый мини-шкаф на сохранение, не опасаясь досужего любопытства. Если ключ действительно принадлежал усопшему музыканту и действительно открывал сейф с чем-то, весьма компрометирующим Фагота – то достаточно логично было держать сие хранилище не в квартире, а где-нибудь поблизости... Например, у этой самой шаманки Де Лануа. Легко. Их тайные шашни я вычислил давно, догадывался и о причинах – скорее всего, жадина-Фагот продавал какие-то ингредиенты для шарлатанских камланий, те, что в аптеке не купишь... Не выдавая источник происхождения, благо у маэстро знакомых море и достать он мог что угодно.

Предположим, что Доуэль и его коллеги подошли вплотную и к Фаготу, и к его ларчику. Колдунья почуяла запах жареного, запаниковала и...

Нет. Не сходится. Кто и зачем отравил Фагота? Полная неясность...

Тогда так. Ведунья была в курсе всего. А маэстро сыграл с ней ту же шутку при помощи скрытой камеры, что и со мной. И нагло отдал колдунье хранить компромат на неё саму, понадеявшись на крепость замка... Зря понадеявшись. Колдунья как-то вскрыла сейф – и отравила потенциального шантажиста. Медленно действующим ядом – прикончить Доуэля мой дружок успел. Все сходится, ни одного провала в логике...

Вот, сказал я Доуэлю, не стоит потрошить шкафы и секретеры, стоит чуть поработать головой, извини за намёк, братишка...

Доуэль ничего не ответил.

К квартире шарлатанки я прошёл кружным путём, через улицу – хотя два выхода из жилища Фагота вели и в тот, и в другой подъезд. Но если я все просчитал верно, то или она сама, или её жлоб-телохранитель вполне могут сейчас присматривать за дверью мёртвого Соседа...

Звонок в глубине квартиры сыграл что-то из классики, широкофокусный видеоглазок немигающе пялился на меня. Я скроил невинную и безмятежную физиономию – показать что-либо электронике пока не в моих силах. Пока...

– К кому? – пробубнил крохотный динамик.

– К Жозефине Генриховне, – честно сказал я.

Обитатели квартиры обменялись репликами, уверенные, что я не слышу их через двойную дверь.

«Кореш Фагота. Пустить придурка?» – это хамит свинья-охранник. Я собирался его лишь слегка оглушить, но он сам напрашивается на грубость.

«Тоже ищет дружка... Гони его на...!!!»

Да-а-а... А ведь казалась воспитанной женщиной.

– Извините, мадам Жозефина не принимает, – вежливо перевёл динамик истеричный визг старой ведьмы.

Я отошёл в сторону, выйдя из сектора обзора камеры.

Попробовал зацепить гадалку через дверь. Ничего не получилось... С охранником не стал и пытаться. На животных и растения мои способности не распространяются.

Ворваться силой? Я закрыл глаза, сосредоточился и ясно увидел всю конструкцию броневой двери... Похоже, установившие её работяги накололи заказчицу. Схалтурили... Не все же ей одной клиентов обманывать. Вон те штыри утоплены в стену неглубоко, и если... Нет, днём не стоит оставлять на виду рассроченную дверь, разговор может затянуться. А какой тут замок?... Конструкцию его я представлял довольно ясно, но как должен выглядеть ключ...

Идиот! Я выскочил из подъезда и нырнул в соседний, кляня себя за непроходимую тупость. Ведь вчера я точно так же размышлял, как открыть одну дверцу, пытался представить внешний вид ключа...

Я остановился на ходу, не дойдя двух шагов до двери Фагота. За мной наблюдали – отлично чувствовался чей-то пристальный взгляд.

Через секунду я понял – чей.

Дверь распахнулась до того, как я поднёс палец к кнопке звонка.

Так и есть – давешняя дамочка, выносившая мусор, – теперь принаряженная, накрашенная, готовая к выходу. Значит, любишь смотреть в глазок, девочка? Ну и что интересного ты увидела?

Взять под контроль её куриные мозги труда не составило. Через десять минут я знал всё. Банальная история банальной шлюшки.

Зовут Наташа, муж в рейсе, сына спланировала бабке, передок свербит, собралась прогуляться по бульвару, снять кавалера, а тут мои шаги за дверью, интересный мужчина...

Ничего сногсшибательного я не услышал. Доуэля, правда, Наташа видела – позавчера, встретила возле дома, интересный мужчина, и она подумала... В общем, ясно, что и чем она подумала. Все бабы одним местом думают. А у этой – все мужчины интересные. Даже в какой подъезд зашёл, не посмотрела – бежала, спешила отпрыска пристроить...

Допрос закончен, больше из неё ничего не выжать. Загипнотизированная кукла смотрит на меня с немым обожанием (или это я смотрю на себя её глазами?). Но для простоты общения она видит меня мужчиной своих грёз. Таким, какого представляет, обнимая пахнущего перегаром мужа или торопливо, украдкой снятого хахаля.

Дыхание Наташи все чаще, содержимое лифчика бурно колыхнется. Недурственное, кстати, содержимое.

И я невольно вспоминаю, что все моя половая жизнь за последние двое суток ограничилась сексуальными домогательствами со стороны пухлогубого владельца «вольво», мир его праху...

Да и квартирка шлюшки – идеальный наблюдательный пункт, хватит попытать судьбу, торча в берлоге Фагота.

Но времени нет, жестокий цейтнот, до вечера надо успеть проверить идейку, мелькнувшую у меня на лестнице. Похоже, есть шанс выйти на коллег Доуэля. Вечером дел предстоит не меньше... И ночью есть чем заняться – визит к нашей хиромантке и её верному Личарде всего лишь отложен. Придётся совместить приятное с полезным. Не тратя слов, разрешаю Наташе приступить к делу. Она радостно бухается на колени, дёргает молнию на моих брюках... Я набираю на мобильнике номер Фикуса:

«Ну что, растение? Всех собрал?.. Ну, сам с теми двумя разбирайся, чтобы к вечеру были... Остальных бери – и приезжай... (называю дом и квартиру Наташи – она уже ритмично двигает головой, давась слюной и счастьем) Будете приглядывать за дверью напротив. Вторая задача... помедленней, не части!!.. Это я не тебе... Короче, попасёте мочалку с верхнего этажа: года двадцать два – двадцать четыре, шатенка... Узнаешь, узнаешь, одна тут такая... Если выйдет из дома – сесть на хвост аккуратно. Задача: выйти на её хахалю и доложить – где они и что. И Масяне скажи, пусть причиндалы захватит, пригодятся... Глубже!!! Глубже, сука!!! Весь!!! Целиком!!! О-о-о-о... (Пауза) Заткнись, Фикус, листья пообрываю. Короче, приезжайте, хозяйка впустит, располагайтесь... Что? Пошляк ты, Фикус... Ладно, и туда впустит, попрошу... Только не затрахайте вусмерть, ещё понадобится... Все, до связи».

Я отпихиваю ногой потаскушку, коротко выдаю ей директивы. Неплохая бабёнка, в моем вкусе...

Вот и все, можно покинуть опостылевший дом со львами. Хотя нет, остался последний штрих...

– Люди и бляди! – вещает автоответчик голосом Фагота. – Крутизны мало, больше не качусь. Не тащусь и не дрочусь! Ы-ы-ы... Лечу на уик-другой за крутизной, вернусь добровольно и с песнями. С новыми!!! Всем, кто понял – гутен-абен. А ты, Томка, мне вооще не звони – не хрен было на тусняке у Хрюна давать кому ни попадя... Пишите письма, факайте факсы. Пока!

Замечательно. Никто из многочисленных знакомых маэстро больше не припрётся, отчаявшись дозвониться и греша на поломку телефона (троих сегодня мне пришлось аккуратно завернуть). Все поверят, что рок-звезда закатилась в незапланированный творческий отпуск. Звезда у нас, как известно, с придурью – тем, собственно, и привлекает публику. Тем более – голос, дебильные шутки, весь строй речи – все фаготовское.

Хотя надиктовал запись я.

Ну а Томка, надеюсь, не обидится. Их любовь с Фаготом все равно кончилась... По крайней мере, мне случаи некрофилии с трупами мужского пола не известны.

Ну ладно, мёртвые друзья мои, я снова вас покину. Пишите письма...

Дела минувших дней – IV Тенятники

(отрывки из введения к одноимённой монографии К.А. Ружича)

...Впервые термин «тенятник» (без объяснения, кто под ним понимается) появился в «Паремийнике» (1271 г.), и служил синонимом «Гада», упоминаемого в соответствующем месте канонических переводов Книги Исаяи. В «Хождении Агапия в рай» и «Хождении Зосимы к Рахманам» (оба – XIV в.) говорится об адских муках для тенятников...

...В классическом труде В.П. Шейна⁴ приводится разделение тенятников на два разряда по способу получения долголетия и сверхъестественных способностей. К первому разряду автор относит тенятников, непосредственно, своими руками, убивающих жертв, а также поедающих в ритуальных целях их мясо либо отдельные органы. Ко второму (высшему) разряду Шейн предлагает относить «лиц, способных поглощать эманации ужаса и боли, исходящие от гибнущих людей», причём убийство жертв может производиться как самим тенятником, так и кем-то иным...

...Классификация, данная А.Н. Соболевым,⁵ с небольшими поправками и дополнениями применяется в наши дни, поэтому имеет смысл привести её в современных терминах. Действующие тенятники, по Соболеву, подразделяются на:

- 1) Некрофагов, включающих, в свою очередь:
 - миофагов;
 - гемофагов (часто смешиваемых с классическими некровампирами);
 - цереброфагов; пожирающих, соответственно, мышечную ткань, кровь и мозговое вещество мёртвых жертв;
- 2) Ритуальных убийц;
- 3) Биоцидных эмпатов...

...Свойства тенятников до последнего времени единой классификации не имели. Общими их качествами являлись: долголетие, превышающее среднюю продолжительность жизни человека на 100—250 %; повышенная устойчивость к инфекциям и ядам; почти мгновенная регенерация ранений и механических повреждений; повышенные способности к суггестии и телекинезу...

...Целью настоящей работы является доказательство генной природы и наследственного характера Т-мутаций, а также обоснование метода прионового теста крови (слюны) и деривато-прионового теста мочи (пота) активных, латентных и пребывающих в метафазе тенятников...

⁴ Шейн П.В. Великоросс в своих песнях, обрядах, верованиях, легендах и т. п. Спб, 1900, Т1.

⁵ Соболев А.Н. Тёмные силы славянского язычества в наши дни. 1931,(неопубл.)

Глава одиннадцатая

Лесник ехал в Лицей. В Царскосельский. Обычный маршрут для гостей города муз.

Однако в этом лицее не постигал свет наук будущий поэт Пушкин, и будущий канцлер Горчаков не списывал контрольные у будущего декабриста Кюхельбекера, и будущий автор «Словья» Дельвиг не спал на лекциях и не курил тайком в туалете. И Вигель, известный в будущем лишь знакомством с перечисленными личностями да противоестественными наклонностями, – тоже ничем здесь не отметился.

Потому что между словами «Царскосельский» и «лицей» на украшающей здание вывеске стояло ещё одно, третье слово: «политехнический». Хотя и маленькими буквами. А учащиеся называли свою альма матер попросту, на старый лад – «путяга». Но сейчас лицеистов не было – лето, ремонт.

Ушли кровельщики, ремонтировавшие крышу, ушли маляры, красившие потолки второго этажа, ушёл художник, расписывавший стены в столовой. Петраков запер за ними дверь. И остался один – на все здание. Он любил быть один.

Петраков, как обычно, собирался подняться в спортзал, раздеться догола, стать хозяином огромного полутёмного помещения, лечь на маты в центре и мысленно делить пространство на кубики... В этом был смысл его жизни. Теперь – лишь в этом. Делить... Петраков никогда не понимал одного: вот время – разделено на идеально-одинаковые часы, минуты, секунды... А все остальное сущее... Кривое, уродливое, безобразно шевелящееся... Красота и гармония – в одинаковости и порядке. Мир надо расчленять, делить на равные части, готовить детали для будущей прекрасной конструкции. Вечность представлялась ему навеки застывшим узором. Симметричным. Одинаковым. И он делил.

Визит к Вечности не состоялся.

Звонок лишил Петракова заслуженного одиночества.

Кто-то стоял перед главной дверью и требовательно давил на кнопку, кто-то желал войти. Петраков побрёл ко входу, слюнявя на ходу волосы – чтоб вихор не топорщился. Открывать и закрывать входную дверь – была его служба. Петраков работал сторожем.

Он всегда был сторожем – и до того, как умер отец, и после, уже познав великое таинство жизни. Он хорошо помнил все школы, ПТУ и дома пионеров, которые сторожил. Учился ли он сам в школе – такой мелочи Петраков не помнил.

На крыльце стоял человек – сухо-казённое лицо, в руке полуоткрытая книжечка удостоверения. Петраков молча загородил проход, он теперь побаивался людей с казёнными лицами. И с удостоверениями.

– Пожарная инспекция, – сказал человек. – Плановая проверка состо...

Пришелец осёкся. Лицо стало другим. Появившееся на нем выражение хищного азарта испугало Петракова – сторож шагнул назад.

Незнакомец скользнул внутрь, закрыл дверь. Сказал с неприятной улыбкой:

– Ну здравствуй, Алябьев...

Удостоверения в руке уже не было. В руке был нож.

Сторож почти не изменился по сравнению с фотографиями десятилетней давности. Но Лесник узнавал его непозволительно долго – секунд пять, не меньше.

Могло это закончиться плохо – его визави, несмотря на внешнюю хилость, ножом владел на удивление быстро и ловко. Так, по крайней мере, утверждали материалы уголовного дела.

Нашумевшего дела Алябьева.

Дела о людоедстве.

Все началось одиннадцать лет назад. Жил-был мужичок в Московском районе города-героя Ленинграда – тихий, мирный, незаметный. И бесследно пропадали в этом же районе

люди. Случается, дело житейское. По «наколке» соседей к мужичку пришли с обыском... впрочем, подробности сыска в данном деле не интересны. Три холодильника в его квартире были забиты стеклянными баночками с мясом.

Консервы, изготовленные кустарным способом, дали ответ, что случилось с пропавшими людьми.

Причём на каждой полке холодильников стояло одинаковое число банок, расставленных в одном и том же строгом порядке. Более того, в каждой банке – равное число кусочков мяса. Ровненьких, кубических, одинаковых. На полу – геометрические узоры из пустых банок, в специальном кондuite – непонятные подсчёты...

Северо-Западный филиал Конторы тут же сделал стойку – все напоминало неизвестный и непонятный ритуал. Оказалось – нет, случай чисто криминальный.

Времена были трудные: еда – по талонам, вся жизнь – по талонам. Запуганный психопатом-отцом, психопат-сын панически боялся голода, и когда родитель умер, завещав себя съесть, великовозрастное чадо исполнило его волю. И затем пошло на улицы города – заготавливать мясо.

Однако не страх голодной смерти гнал сироту на охоту; главным мотивом было иное: возникшая внезапно страсть. Делить целое на части, а потом части делить на новые части, дробить целое до логического конца, до атомов – вот великий смысл, великое таинство жизни. Такими атомами и стали стеклянные баночки-консервы. Странно, но детей он не трогал, этот гений арифметики...

Под расстрел Петраков не попал – экспертиза признала невменяемым. Что было с ним дальше, Лесник не знал – в архиве Конторы дело числилось закрытым. Лечили, надо Думать... Вылечили? Сбежал? Живёт под другой фамилией? А работает под псевдонимом Мозговед?

Лесник не стал теоретизировать на эту тему. Выдернул зазубренный Диев нож из укрытых в рукаве ножен.

И сказал, чувствуя, как тело входит в боевой ритм, как закипает кровь азартом схватки:

– Ну здравствуй, Алябьев...

– Меня зовут Петраков, – сказал сторож без всякого выражения. Ему не было страшно. Страх, ненависть и другие сильные эмоции остались где-то далеко, в другой жизни.

– За старое взялся, Алябьев? – сказал человек, поигрывая ножом и двигаясь вокруг Петракова полукругом, по траектории маятника, точкой крепления которой был сторож. Все движения пришельца подчинялись какому-то странному ритму, завораживающему и сбивающему с толку.

Сторож не стал повторять, как его зовут. Он смотрел на нож. В те времена, когда Петраков и вправду был Алябьевым, он любил пользоваться ножами, по большей части обычными, кухонными. Иногда – топориками, пилами...

Но такого инструмента – никогда не видел. Клинок напоминал пилу с непропорционально большими зубьями – всего с тремя. Другая сторона лезвия была гладкая и остро заточенная. Рукоять, насколько смог разглядеть Петраков – самая простая, из потемневшего дерева.

Петраков не боялся ножа. Но форма зазубрин клинка вызвала вялое любопытство – ведь если его воткнуть в... неважно куда, то выдернуть будет трудно, почти невозможно.

Человек взмахнул ножом. Петраков сжался, закрылся руками. Это был не страх – рефлекс, вбитый в подкорку.

– Руки за голову! Лицом к стене! – резко скомандовал человек.

Петраков выполнил – автоматически, не задумываясь. Острие упёрлось ему между рёбер, покалывая сквозь рубашку. Чужая рука уверенно ощупывала одежду.

Петраков вздрогнул. Он боялся щекотки.

Лицедействовать и подсовывать замаскированные тестеры не пришлось, не тот случай. Лесник провёл СР-тест по полной программе: слюна, пот, кровь.

Ничего.

Результат чётко и однозначно отрицательный.

Лесник задумчиво посмотрел на Петракова – глаза пустые, стоит по стойке смирно посередине своей каморки.

Казённая, при лице, квартирка сторожа не блистала убранством: короткая тахта, две табуретки, – вот и вся обстановка.

Ростом Петраков не удался – детских размеров ложе его вполне устраивало. Ещё была электрическая плитка и скромная кухонная утварь. На сковороде недоеденное овощное рагу. Продукты лежали на полу: кочан капусты, пакеты с картошкой и морковкой, растительное масло, хлеб, кефир... Гость поинтересовался:

– Где у тебя холодильник, Алябьев?

– Меня зовут Петраков.

– Допустим. Могу хоть Соловьём звать, если откликнешься.

«Соловей» – такую кличку сторож получил в тюрьме и спецпсихушке. Из-за фамилии, надо полагать. Хотя что-то птичье в нем и без того было. Только не соловья он напоминал, скорее воробья.

– Где ты хранишь мясо! – терпеливо спросил Лесник. Хозяин каморки обиженно нахмурился.

– Я не ем мяса.

– С каких пор?

– Меня вылечили, – Петраков непроизвольно содрогнулся: вспомнил что-то.

Лечили, лечили и вылечили... Может, и так. Лечили – это точно. Лесник понял это ещё у дверей. Психотерапии здесь не было в помине. Скорее – психохирургия. Психовивисекция... Однако некоторые вещи из Петракова-Алябьева выбили – в прямом смысле слова. Реакцию на замах продемонстрировал вполне характерную.

Но стоило проверить все. До конца.

– Холодильник-то твой где? – напомнил Лесник.

– Нету.

– А дома есть?

– Дом здесь.

– Я про другой. Про дом, о котором никто не знает. Он ведь с холодильником?

Петраков сел и а табурет, обнял себя руками, словно ему вдруг стало зябко, и с минуту молча сидел, раскачиваясь. Слово «холодильник» вызывало в нем полузабытую гордость и – одновременно – вихрь страшных картинок: ремни, которыми его удерживают на операционном столе, ослепительную боль, возникающую сразу после укола, неистребимый вкус плесени во рту – весь следующий день...

– Я не ем мяса, – наконец сказал он. Монотонным, ничего не выражающим голосом. Лесник выглянул в окно.

– Это цокольный этаж? А подвал есть?

– Не подвал, а технический этаж.

– Показывай...

На краткую экскурсию в подвал Лесник отправился скорее по инерции, чем по необходимости. В подвале, конечно, прохладно – по сравнению с июньской жарой, – но не настолько, чтоб хранить там самопальную тушёнку. И вообще, едва ли бывший серийный маньяк, пусть он и клинический дурак, осмелится прятать свои трофеи в таком ненадёжном месте. Была надежда обнаружить характерные предметы, сопутствующие былому увлечению Алябьева: инструменты или запас пустых баночек... нет, ничего такого не нашлось.

Они поднялись обратно.

– Говоришь, ты теперь вегетарианец? Отрадная метаморфоза...

Ответа не было. Петраков не знал слов «вегетарианец» и «метаморфоза», но сообразил, что скоро его оставят в покое. Так и случилось. Лесник ещё раз посмотрел вокруг, пожал плечами и ушёл.

Когда неприятный гость наконец удалился, сторож доел холодные овощи и пошёл в спортзал – командовать вечностью.

Сев в машину, Лесник не торопился уехать. Задумался, снова рассматривая тест-полоски, упакованные в прозрачные пакетики (дабы приложить к будущему отчёту). Вроде все сделано правильно, и результат однозначен, но смутное недовольство оставалось.

Статистика – вот что тревожило Лесника. Банальная наука статистика.

Каннибализм в развитых социумах – явление редкое, можно сказать уникальное. (Если, конечно, исключить времена катаклизмов, сопровождаемых лютым голодом.) Но сейчас войны, блокады и коллективизации не наблюдается. Вероятность пересечения в одной точке пространства-времени двух каннибалов выражается длинной цепочкой нулей после запятой и сиротливой единичкой в конце.

Однако – пересеклись. Активно действующий Мозговед и исцелённый Соловей. Исцелённый...

Людоед, перейдя на картофель, исхудал от нехватки жиров, и его заострившийся профиль агрессивен стал и суров... – вспомнил Лесник удивительно уместный стишок.

То, что Петраков не активный тенятник – это факт. И уж, конечно, не Мозговед. Даже если предположить, что обиженная жизнью пташка возобновила свои кулинарно-арифметические опыты, – сочные куски мяса никогда бы не были выброшены на помойку. Кроме того, свои жертвы импотент-Алябьев не насиловал. Получается, он стал Петраковым отнюдь не понарошку. Соловью скрутили шею: десять лет дурдома не прошли даром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.